

Фагоцит. Покой нам только снится

Автор:

[Андрей Величко](#)

Фагоцит. Покой нам только снится

Андрей Феликсович Величко

Героическая фантастика Эмиссары #2

Наш современник Виктор Антонов стал своим в двадцатом веке – он запросто общается с писателями Иваном Ефремовым и братьями Стругацкими, с Косыгиным, Шелепиным, Семичастным, да и «наш дорогой Леонид Ильич» ценит Виктора за неоценимый вклад в развитие космической программы Советского Союза, обеспечившей приоритет в «лунной гонке». Антонов мечтает обеспечить своей стране светлое будущее, но путь к решению этой задачи непрост: сложно понять причины разочарования народа в социализме и трансформации оттепели в застой. А от застоя и до краха СССР недалеко. И для того чтобы в конце концов найти верный курс, Виктору придется спуститься с небес на землю. И в прямом, и в переносном смысле...

Андрей Величко

Фагоцит. Покой нам только снится

Пролог

В этой истории двадцать третий съезд КПСС проходил с восьмого по девятнадцатое апреля тысяча девятьсот шестьдесят шестого года. Повестка дня была ожидаемой:

- Отчетный доклад ЦК КПСС, докладчик Леонид Ильич Брежнев.

- Отчетный доклад Центральной ревизионной комиссии, докладчик Нонна Александровна Муравьева.

- Директивы съезда по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1966-1970 годы - Алексей Николаевич Косыгин.

Естественно, все эти доклады были единогласно утверждены. Потом настала очередь выборов центральных органов партии, прошедших без каких-либо неожиданностей. По сложившейся традиции кадровые вопросы решались на пленумах.

И наконец, первый секретарь был вновь переименован в генерального, а Президиум превратился в Политбюро.

Разумеется, во всех газетах съезд именовали историческим, а кое-где даже начинали рассуждать о всемирно-историческом значении его решений. Впрочем, советский народ к подобному уже привык и особо не волновался - подумаешь, еще один! Сколько их уже было.

О том, что это не совсем так, сначала не поняли даже западные политологи. Да и вообще, знать о последствиях решений съезда из неотягощенных высокими государственными постами людей могли только два человека - Виктор Васильевич Скворцов и Виктор Васильевич Антонов. Могли, но не знали. А только подозревали, да и то не очень уверенно.

Глава 1

Никогда в жизни я не работал так близко от дома, чтобы ходить на работу пешком. Ну разве что в школьные годы, когда подрабатывал дворником. Зато

теперь сподобился – от моего подъезда до проходной НИИ «Мечта» метров триста. Тут даже велосипед не нужен, не говоря о чем-либо более серьезном.

Ну да, теперь я живу не в Москве, на улице Крупской, а на окраине поселка Троицкое, будущего Троицка, в научном городке «Красная Пахра».

Нам с бывшими соседями, которые теперь стали членами семьи, выделили четырехкомнатную квартиру на втором этаже кирпичной пятиэтажки улучшенной планировки. Она состояла из большой проходной комнаты, справа от которой располагались две десятиметровые комнатки, а слева – одна восемнадцатиметровая.

Поначалу их предполагалось разделить так. Большая центральная играет роль гостиной, она общая. В одной из маленьких будут жить тетя Нина с дядей Мишей, в другой – Вера с Джулей (это ее пес). А мне остается восемнадцатиметровая.

Однако Вера после свадьбы перебралась жить ко мне, вместе со своим хвостатым приятелем. А бывшая ее комната стала моим кабинетом.

– Ты же ученый! – объяснила мне Вера. – И значит, должен иметь домашний кабинет, тем более что для него есть комната. Не распихивать же по разным маму с папой! Ой, Вить, я такая счастливая! Мы теперь всегда будем вместе, да? Ну разве только ты иногда будешь уезжать куда-нибудь по делам. Или улетать. На Луну, например.

– Куда-куда?

– Ну, Ефремов же в последней передаче рассказывал, что сначала на Луну прилетят роботы. Да я это и сама знаю, сколько с ними нянчилась. Осмотрятся, потом им на помощь пришлют новых, и они начнут строить лунную базу. Построят, обставят ее, и только потом наступит очередь человека. И кому туда лететь, если не тебе? Вообще-то еще я могу. Наверное, к тому времени институт уже закончу.

– Если поступишь.

- Поступлю, ты же сам видишь, как я готовлюсь.

- И еще у тебя дети будут. Со временем.

- Так с ними мама с папой посидят! Я же улечу ненадолго. Вить, я до сих пор не могу поверить, что все это взаправду. Иногда, как последняя дура, начинаю бояться – а вдруг все это мне только приснилось? Проснусь, а ничего на самом деле нет! Я же тебя с детства полюбила. Когда ты в армию уходил, боялась, что там тебя какая-нибудь окрутит. Осенью шестьдесят второго, как дядя Вася умер, мне вообще начало мерещиться черт знает что – будто и ты там, в армии, тоже. И ведь было же что-то, тебе тогда дракон помог. А потом звонок в дверь – и ты стоишь, на меня с таким интересом смотришь. Я чуть не умерла от счастья.

- А я, помнится, чуть не оглох.

- Так ведь не оглох же! А сейчас у тебя давно уже оба уха нормально слышат. Нет, ну вот ты мне скажи, чем я такое заслужила?

- Тем, что ты самая лучшая на свете.

- Правда? А уж про тебя вообще лучше промолчать, все равно никаких слов не хватит. Это же как нам повезло, что кому-то пришло в голову поселить моих родителей и дядю Васю в одну квартиру. Так бы и расцеловала его.

- Больно ему нужны твои поцелуи, лучше побереги их для меня. Но вообще, конечно, можно попытаться узнать, кого это тогда осенило, и чем-нибудь помочь человеку. Если не в смысле карьеры, так хотя бы проставиться ящиком хорошего коньяка.

Да, похоже, Вера все-таки чувствовала, какая судьба у нее уже один раз сбылась. Но сейчас-то все идет совсем не так, и пусть она хоть здесь будет счастлива, я уж постараюсь. Кстати, Вера Михайловна из двадцать первого века для Антонова «никакая». А для Скворцова? Здешняя-то Вера «десятая». И значит, пусть Антонов там позвонит старушке, узнает, как самочувствие, а потом перекинется в меня, и я попробую ей помочь. Из благодарности, что у нее здесь такая замечательная духовная сестра.

Я ведь поначалу собирался жениться на Вере по расчету, просто чтобы не бегать по Москве и не искать кого-то там, а сейчас время от времени возмущенно задавал себе мысленный вопрос – и где были твои глаза, debil? Не сразу разглядеть такой бриллиант – это еще надо ухитриться. Хорошо хоть спохватился вовремя. В общем, ни к чему откладывать. Послезавтра я вроде собираюсь в двадцать первый век? Вот как прибуду, сразу и займусь здоровьем Веры Михайловны.

Ну, а пока я здесь, надо поставить ремни безопасности и подголовники на «Москвич». Не на ефремовский, там все это уже давно стоит, вот только Иван Антонович почему-то не любит пристегиваться. А на мой. Сколько можно ездить на служебных машинах, которые как дали, так и могут отобрать. Да и лично мне этот «Москвич-408» нравится больше «Волги». Он, во-первых, все-таки устойчивей в поворотах на скорости, и руль крутить легче. А то, что он немного меньше, так это неважно. Вся наша семья, включая Джульку, влезает без особой давки, и ладно.

Зато у этого «Москвича» нормальные подвесные педали, а не напольные, как у остальных машин нынешнего времени. И вообще, это уже почти «Жигули», а не реликт начала пятидесятых годов, как «Волга», и не убогая косолапая тархтелка, горбатый «Запорожец».

В августе – если, конечно, Вера успешно сдаст экзамены в МГУ, на биофак, куда она собралась поступать вместо медицинского, мы планируем всей семьей съездить на юг. Сначала по тому же маршруту, что два года назад с Верой на «Яве», но у моря повернем не направо, а налево. И поедем, время от времени останавливаясь на два-три дня, сначала вдоль берега до Туапсе, там недельку проживем в пансионате, а потом двинемся обратно, но уже через Крым, куда приплывем из Туапсе на пароме. Блин, чуть не забыл, надо еще багажник на крышу сварить! Или даже лучше заказать, потому как у меня и других дел полно, а рабочие на производственном участке иногда скучают без дела. И разумеется, оплатить работу и материалы из своего кармана. Я хоть уже и коммунист, но какие-то остатки совести у меня все же сохранились.

Кстати, в нашей семье прорва всякого автотранспорта. «Москвич» у меня, «Победа» у дяди Миши, «Макака» у Веры, да еще мои «Ява» с мопедом. Может,

продать что-нибудь, а то мы на фоне соседей смотримся как буржуи? Да ну, на самом деле все нужное. Летом, особенно когда жарко, в Москву лучше ездить на «Яве». На рыбалку – тут мопед вне конкуренции. Да и соседи по подъезду у нас не бедные – администрация НИИ «Мечта». Своих машин у них нет не потому, что не хватает денег, а потому, что есть служебные. Хотя секретарша, кажется, уже стоит в очереди на такой же «Москвич», как у меня. Права, во всяком случае, у нее есть, она сама говорила, что получила их в тридцать каком-то году. Вместе со значком «Ворошиловский стрелок». Кстати, она мне сообщила, что сейчас организовывается кооператив для постройки гаражей. Надо будет туда вступить, пара боксов нам не помешает. Надеюсь, эта стройка обойдется без интриг и страстей, подобных тем, которые через тринадцать лет блестяще покажет Рязанов в своем «Гараже».

На то, что благодаря моему благотворному влиянию обстановка в СССР к тому времени изменится настолько, что сюжет станет неактуальным, я не надеялся. Обстановка обстановкой, но люди-то останутся теми же самими.

Планы грядущего десанта моих роботов на Луну тоже слегка изменились. Для этой цели и саму ракету, и посадочный модуль поручили делать Челомею, уже вышло специальное совместное постановление ЦК КПСС и Совета Министров. И при очередной встрече Владимир Николаевич сообщил мне:

– Та элементная база и модули, что вы уже поставили, позволят нам сэкономить не меньше трехсот восьмидесяти килограммов из спускаемой на Луну массы. Из них – цените мою щедрость! – три сотни ваши. То есть можно будет запустить не один научный луноход в первом комплекте, а сразу два. И немного увеличить емкость аккумуляторной базы. Надеюсь, вы из чувства благодарности дополните вашу БЦВМ следующими функциями, мы тут подготовили техническое задание, вот оно.

Такое предложение оказалось очень кстати, потому как было уже ясно – в «Доцента» все желаемое ну никак не влезает, даже с моей и Антонова помощью. А раз появится второй такой, то образуется даже небольшой резерв. И это хорошо, потому что иначе мне даже было бы стыдно смотреть в глаза моему бывшему начальнику из ФИАНа. Сам же подбил его на разработку и изготовление прибора для экспресс-анализа лунного грунта, обещал всемерную помощь, а потом чуть не пришлось ехать туда и с извинениями и заявлять, что он не влезет. Зато теперь самое время навестить Якова Наумовича, да и ребят из

лаборатории тоже, и обрадовать, что их работа обязательно будет востребована. А значит, ее участникам, кроме морального удовлетворения, светят и немалые плюшки – авторские, публикации – правда, в закрытых источниках, возможность защиты диссертации и всяческие премии вплоть до Ленинской. Ну или на худой конец, если у меня что-то пойдет не так, то Государственной.

Кстати, я быстро прикинул – при такой прибавке допустимого веса второй научный луноход даже можно будет слегка увеличить, расширив его возможности. И с полным на то основанием назвать «Профессором».

Хотя, конечно, это дополнительная порция мороки. Нет, еще одно шасси в Ленинграде сделают быстро, ребята уже набили руку. Электроника для него без сомнений будет вовремя, и масс-спектрометр из моей бывшей лаборатории тоже не опоздает. Но чтобы полностью набить второй научный луноход, да еще увеличенный, этого явно мало. И значит, придется писать письмо Келдышу, который не знает, кто я такой, и считает выскочкой, пролезшим в заместители директора благодаря родству с Косыгиным. Хотя, говорят, после сравнительно успешной работы «Луны-9» его мнение начало меняться в лучшую сторону. Вот и ладно, заодно проверим.

Хотя, казалось бы, мое-то какое дело, что президент Академии наук считает меня всего лишь чьим-то протеже? А вот фигурки, все равно неприятно. Он же не какой-то там секретарь горкома, эти пусть считают меня кем угодно. Он все-таки Келдыш, и его мнение мне небезразлично.

Глава 2

Все-таки в чем-то мне удалось убедить руководство, думал я, читая газету «Правда». Вот, например, Антонов в свое время про полеты «Джемини» узнал от «Голоса Америки», что отнюдь не прибавило ему доверия к родной советской власти, а я про них читаю в главной советской газете. Тут даже фотография есть. Снимок, скажем прямо, так себе, но даже по нему видно, что это не менее серьезный аппарат, чем наш «Восход», который вообще-то есть всего лишь немного модифицированный «Восток». Да и то модернизация в основном свелась к тому, что из «Востока» убрали системы безопасности, включая

катапультируемое кресло, тем самым высвободив место еще для двух человек. Причем без скафандров, в скафандрах там помещалось только двое. Правильно наши сделали, что быстро прикрыли эту программу, пока никто не гробанулся.

То есть в шестьдесят шестом году в космос летали только американцы, и газета «Правда» не видела в этом ничего особенного. Мол, они разработали семейство «Джемини» и сейчас выполняют полеты по программе. Мы свою программу закончили и сейчас по ее результатам готовим принципиально новые корабли, намного совершеннее, чем «Джемини» или «Восход». Без спешки, потому как космос – это не арена стадиона, для нас главное – безопасность людей.

Да уж, если после такой идеологической подготовки Комаров погибнет в первом же полете нового «Союза», провал получится эпический. Но я все же надеюсь, что Антонов не зря изрыл чуть ли не весь Интернет в поисках любых материалов о той катастрофе, а Скворцов потом долго капал на мозги не только Шелепину, но на всякий случай и Косыгину тоже.

В общем, наше руководство, кажется, начало понимать – не надо по пустякам что-то запрещать, врать и замалчивать, а то ведь потом придется объявлять гласность. А от нее недолго и до перестройки.

Например, Даниэля и Синявского арестовали еще при Суслове, хотя Семичастный был против. Он прочитал, во что выльется это дело, и заявил, что не видит смысла делать двум весьма посредственным литераторам рекламу, которая прославит их на весь мир. Однако Суслов не внял, что ему быстро припомнили на пленуме, и суд состоялся уже при Демичеве. И значит, наш самый гуманный в мире суд в хорошем темпе дал обоим по три года условно и освободил их прямо в зале. Я бы даже сказал, вытолкал взащей – ну типа не до вас тут, уматывайте побыстрее. Причем Синявскому разрешили уехать во Францию, куда он мгновенно и слинял, а Даниэль остался в Союзе и сейчас зарабатывал на жизнь переводами поэзии, да еще под собственным именем. Никто ему не препятствовал. Никакой демонстрации в их защиту тоже не было. Во-первых, потому, что Семичастный про нее читал и заранее принял меры. А во-вторых, чего тут демонстрировать-то, если писателей уже выпустили?

Володя потом мне сказал, что он и без моих материалов вел бы себя почти так же.

– Их же нам американцы сдали, – объяснил он. – И уж явно не из любви к советской власти. Вот я сейчас и пытаюсь выяснить, зачем им это понадобилось. Ты про это ничего не знаешь?

– Нет, как-то не интересовался, но если нужно, могу в будущем посмотреть. Кстати, напоминаю – Светлана Аллилуева скоро сбежит. Тебя в той истории именно за нее и сняли.

– Да помню я, помню. Но это был только предлог, который нетрудно и найти другой, если этот не сработает. Кстати, намекнул бы ты Леониду, что, если ее отпустить, то вреда будет куда меньше, чем если она сама сбежит. И тем более если ее насильно удерживать, ни в какую Индию вовсе не отпуская, – вот уж тут точно вонь поднимется неопишуемая.

Вера успешно сдала вступительные экзамены, и так как они в МГУ были не августе, как в большинстве вузов, а в июле, то мы, как и собирались, всей семьей съездили на юг. А когда вернулись, мне пришлось наверстывать упущенное. За время отпуска дел поднакопилось изрядно.

Во-первых, из ФИАНа нам привезли масс-спектрометр, и теперь предстояло подключать его к бортовому компьютеру «Профессора» и писать программы для обработки результатов исследования. Вообще-то этим занимался Саша, но ему нужна была и моя помощь.

А во-вторых, моя лаборатория прикладной электроники должна была со дня на день размножиться почкованием. На высокочастотную группу – эта будет продолжать заниматься видеотехникой. И низкочастотную, которой предстояло разрабатывать многорожечный студийный магнитофон, аналоговый синтезатор и блоки эффектов для электрогитар. Косыгин, правда, поморщившись, утвердил мою заявку, но от ворчания не удержался:

– Виктор, зачем вам это? Ну помогла ваша музыка познакомиться с Брежневым, и ладно. Неужели вы думаете, что на этом можно будет хоть что-то заработать?

– Конечно. Если не деньги, то хотя бы какие-то баллы в идеологическом плане. В том прошлом рок-музыка фактически работала против советской власти. Если в нашем будущем она окажется за, то не такие уж большие затраты на

аппаратуру будут оправданны. Но я все-таки надеюсь, что и деньги как минимум удастся отбить, причем довольно быстро.

Разумеется, всему, что будет делать низкочастотная группа, придется обойтись без деталей из двадцать первого века. Поэтому она будет располагаться в корпусе «А», который с более мягким режимом.

Кстати, местная элементная база потихоньку прогрессировала. Частично сама по себе, то есть независимо от меня, а частично благодаря предоставленным мной документации и образцам для копирования. В частности, местные копии транзисторов КТ502—503 уже начали выпускаться. На очереди был пятьсот пятьдесят пятый таймер, а сразу за ним – двести пятьдесят восьмой сдвоенный операционник.

К осени шестьдесят шестого года я в общих чертах разобрался, как работает система управления Советским Союзом, причем, пожалуй, в ее наихудшем варианте – так называемого «коллективного руководства», оно же «ленинский стиль работы».

При Сталине, конечно, недостатков хватало, но был и один несомненный плюс. Центр мог продавить практически любое решение, невзирая на сопротивление отдельных личностей на местах. Хрущев пользовался доставшейся ему в наследство системой, как пьяный деревенский дурак, ухитрившийся влезть за руль карьерного самосвала. Некоторое время гигантская машина по инерции ехала прямо, но потом завилыла, с каждым поворотом руля в руках идиота все сильнее и сильнее. Собутыльники, сообразив, что так можно и доездиться, выкинули Никиту из кабины и договорились, что отныне в ведении каждого может находиться не более одного органа управления. Кому-то досталась педаль газа, кому-то главный выключатель ходовых моторов, кому-то стояночный тормоз. Генеральному секретарю вручили руль. Теоретически он мог направить громадину куда ему угодно, но для этого ему нужно было договориться со всеми. Чтоб, значит, смотрящий за тормозами отпустил рычаг, заведующий педалью газа нажал на нее и так далее. Если консенсуса не возникало, генсек мог сколько угодно вертеть руль на месте. С отключенными электроусилителями.

То есть у Брежнева была почти неограниченная власть, но с ма-а-аленьким таким дополнением. Он мог использовать ее только тогда и так, когда и как это устраивало большинство высшей партийно-государственной номенклатуры. И настоящая, без дураков, заслуга нашего дорогого Леонида Ильича состояла в том, что он при таких ограничениях ухитрился не зарулить в пропасть, к чему Никита был уже близок. Во всяком случае, разрядка напряженности в семидесятых – это любимое детище бровеносного генсека. Могут, конечно, сказать, что она привела к поражению в «холодной войне». Возможно, хотя вовсе не факт, что именно она, но мне почему-то кажется, что поражение в холодной все-таки лучше ничьей в горячей, да еще с применением всех накопленных запасов ядерных и термоядерных боеголовок.

В результате в верхних эшелонах власти сформировались практически феодальные отношения. Например, всюду работало правило «вассал моего вассала не мой вассал». Председатель Совета Министров Косыгин не мог ничего приказать подчиненным Устинова, хотя тот был его заместителем.

И вообще, партийная верхушка и министры вели себя как самые настоящие удельные князья. Не все, конечно, а только те, которые сидели наверху достаточно долго для того, чтобы пустить там корни и обрасти нужными связями. Ну при классическом феодализме тоже так было.

Как сломать эту систему, не представлял не только я, Косыгин с Шелепиным тоже. И Брежнев, но с тем отличием, что он ее в общем-то ломать и не хотел. Так, кое-где маленько подправить, и хватит. Но пока даже такой союзник – это все-таки намного лучше, чем вовсе никакого. И уж тем более чем недоброжелатель на посту генерального секретаря.

Однако хитроумные интриги процветали не только на самом верху. Они и ближе к низу тоже случались, причем с не меньшей изощренностью. Как-то раз, одним прекрасным утром, когда Вера уже уехала в Москву учиться, и дядя Миша ушел на работу, а мы с тетей Ниной еще только собирались, она неуверенно попросила:

– Вить, ты меня до садика не проводишь? Поговорить бы надо.

– Не вопрос, – согласился я. – Слушаю.

– Ты, наверное, Вить, сам заметил, что Миша последнее время пить стал чаще, – расстроено поведала мне соседка.

– Да, мне тоже так кажется. Вы знаете, в чем тут дело? Я вот как-то нет.

– В том, что он теперь халтурить почти не может. Думаешь, я не догадывалась, откуда у него брались деньги на выпивку? Так ведь они ему не даром давались, он частенько до позднего вечера халтурил, ты же сам видел. За рулем Миша не пьет, этот принцип у него железный, и после одиннадцати вечера тоже, если завтра за руль. Вот у него на неделе если и получалось, то совсем по чуть-чуть, да и то редко. Вот по субботам – это да, все левые деньги, за неделю полученные, за вечер спускал. Так ведь суббота-то всего один раз в неделю бывает. А сейчас ему левачить неудобно, все-таки тесть самого Скворцова, да и в Троицком особо не заработаешь, надо в Москву ехать, а там могут поймать, ему же тебя подводить неудобно. Зато тут поить его желающие всегда находятся, хоть он и не начальник никакой, но все-таки. Даже не знаю, что делать. Он ведь человек-то хороший, добрый и честный, но только слабовольный. Вить, ты ведь умный, придумай что-нибудь! Не могу я смотреть, как Миша пропадает. Я же его, дурака, люблю. Может, и не так, как Вера тебя, но уж как могу.

– Хорошо, тетя Нин, я уже, кажется, начинаю понимать, что тут можно сделать.

Итак, что должен делать образцовый советский человек, если он обнаружил некое препятствие на пути к светлому будущему? Разумеется, первым делом настучать куда следует. С адресом у меня никаких затруднений не было. Бывший майор, а ныне подполковник Игнатий Павлович Зонис, мой куратор по быту и охране от КГБ, по совместительству работал еще и начальником первого отдела нашего института. Так что по дороге в свой корпус «Б» я поднялся на второй этаж корпуса «А», где изложил товарищу подполковнику суть вставшей передо мной проблемы.

– Нельзя ли тех типов, что поят Михаила Петровича, предупредить, что это они зря? Мягко, но убедительно.

– Можно, конечно. Это моя недоработка, я об этом должен был подумать сам. Извините, Виктор.

Мы с Зонисом работали вместе давно, отношения у нас были хорошие, и понимали мы друг друга с полуслова. В частности, сейчас его слова означали, что он просит не докладывать о своем промахе Семичастному. Разумеется, если тот сам не спросит.

– Да что вы, Игнатий Павлович, какая разница, от кого исходила инициатива? Главное – это результат.

То есть я подтвердил, что докладывать не буду – если, конечно, Зонис все сделает быстро и качественно.

Кстати, я сильно подозревал, что Зонис помимо своего прямого начальства стучит на меня еще кому-то, но не считал это препятствием для хороших и доверительных отношений. Мы же с ним оба коммунисты и, значит, должны понимать необходимость подобных вещей. Но разумеется, это понимание не помешало мне поставить в известность о своих подозрениях Семичастного.

– То, что ты, Витя, только начал подозревать, я давно знаю, – усмехнулся генерал-полковник. – Не волнуйся, все под контролем.

Однако это была только одна сторона вопроса. Ведь человек будет что-то делать, к чему его не принуждают, только в случае наличия одновременно и желания, и возможности. Последнюю дяде Мише скоро урежет товарищ подполковник, но все же не до конца. Мало ли что бывает. А желание его действия вовсе не затронут, тут уже придется поработать мне. Если и от этого тоже останется совсем немного, то пересечение двух составляющих во времени и в пространстве означает: дядя Миша придет домой поддавши – станет редким событием.

В принципе пора было посмотреть, как мои паранормальные способности могут работать на кодирование от пьянства, это ведь сейчас животрепещущая проблема. Но и другие способы, более традиционные, тоже забывать не следует. Тем более что мне на днях надо съездить к Косыгину.

– Вроде вы уже решили провести эксперимент по индивидуально-семейной трудовой деятельности, – сказал я в конце беседы, – а у меня тут тесть пьет.

– Думаете, только тесть и только у вас? Третью мужского населения Союза пьет, да среди женщин алкоголичек куда больше, чем хотелось бы. Это серьезная проблема, и я подозреваю, что одними запретами ее не решить.

– Правильно подозреваете, многие пытались, и ничего не вышло. Если хотите, сделаю подборку по горбачевскому полусухому закону и о положении дел с пьянством в современной Антонову России. Но сейчас все проще. Я предлагаю в порядке эксперимента выдать моему тестю разрешение на частный извоз.

– На индивидуальный, – поправил меня Косыгин. – Значение слова то же, а возмущения в верхах оно вызывает меньше. Такое решение уже принято. Для начала решили выдать патенты сотне произвольно отобранных московских водителей и посмотреть, что получится. Не вижу причин не включить в эту сотню и вашего тестя. А подборку про борьбу с пьянством я от вас жду, это важно.

И вот, значит, вскоре курьер привез мне бумагу под заголовком «Патент на индивидуально-семейную трудовую деятельность» на имя Михаила Петровича Астахова. В конце там перечислялись виды этой самой деятельности, а напротив пункта «оказание транспортных услуг на личном автомобиле» стояла галочка.

– Ишь, подписи-то какие, – восхитился дядя Миша. – Не только Егорычев – сам Косыгин расписался!

Ну да, этот патент был согласован на необычно для подобных документов высоком уровне.

– Так это что, я теперь могу на своей «Победе» левачить, когда хочу, и мне никто слова не скажет?

– Совершенно верно. Только счетчик возьми и зеленый огонек, я тебе их уже приготовил. Как установить, в инструкции написано. Шашечки можешь рисовать, можешь не рисовать, это уже твое дело.

- А что тут про налогообложение сказано? Я че-то не совсем понимаю.
- Тринадцать процентов от заработанных денег будешь сдавать в бухгалтерию института.
- А она не проболтается? - опасливо спросил дядя Миша.
- Да ты что, у нас же режимное предприятие, а это будет самое настоящее разглашение гостайны.
- Проверять меня кто будет и как?
- Никто и никак, кроме твоей совести. Она же у тебя есть? Вот пусть и работает.

Глава 3

Как уже упоминалось, посвященные предпочитали встречаться со мной на дачах или даже вовсе на свежем воздухе. Правда, Шелепин приезжал в НИИ «Мечта», но это ему было положено по должности. В московской квартире я до декабря шестьдесят шестого года не был ни у кого, и эту традицию первым нарушил Брежнев. Он позвонил мне девятого числа и сообщил:

- Вить, я тебя приглашаю вечером восемнадцатого в гости на Кутузовский. Знаешь, где я там живу? Вот и приезжай с Верой, очень она у тебя обаятельная девушка и поет хорошо. Будем в узком кругу мой юбилей праздновать, все-таки шестьдесят лет, круглая дата, а девятнадцатого не получится, будут официальные мероприятия. И гитару захвати. Вообще-то гости собираются к восьми, но ты давай пораньше, часов в семь, у нас тут с тобой есть о чем поговорить.

Ну да, нашему дорогому Леониду Ильичу девятнадцатого декабря исполняется шестьдесят лет. Интересно, подарят ему сейчас первую звезду Героя Советского Союза или нет? И ведь небось восемнадцатого я этого не узнаю, придется потерпеть несколько дней.

К дому номер двадцать шесть по Кутузовскому проспекту мы с Верой приехали за пятнадцать минут до назначенного срока. Мало ли, вдруг нас не пустят сразу, начнут выяснять, кто мы такие, а опаздывать к самому генсеку неудобно. Однако нас мало того что пропустили без волокиты, так и предложили загнать машину во двор, на охраняемую территорию. Нормально, можно дворники не снимать, а то оставлять их на машине, брошенной просто на улице, опасно. Могут спереть.

Брежнев сам встретил нас в дверях, Веру сразу передал на попечение супруги Виктории Петровны, а со мной уединился в кабинете. Мне, честно говоря, было любопытно – что же такое стряслось, раз он специально выделил время для беседы наедине? Неужели только для того, чтобы похвастаться – юбилейной звезды Героя у него не будет?

– Неправильно утверждать, – заявил явно гордящийся своей скромностью Леня, – что коммунисты не делают ошибок. Делают. Но настоящие коммунисты их вовремя осознают, принимают все меры к их исправлению и уж тем более не повторяют. Такого позора, что я видел в твоём планшете, теперь не будет. Кстати, свежих анекдотов не расскажешь?

Ну да, Леониду Ильичу почему-то нравилось слушать анекдоты про себя. Причем в этом времени их пока еще было очень мало. Те, что я ему рассказывал, датировались где-то концом семидесятых годов.

Я встал и торжественно произнес:

– Дорогой Леонид Ильич! Позвольте в честь юбилея преподнести скромный подарок и пожелать, чтобы вы всегда оставались таким же здоровым, умным и ироничным, как сейчас. Вручаю наедине, потому что подарок... хм... несколько неоднозначный.

Я протянул ему книжку, оформленную в стиле «Библиотеки приключений и научной фантастики» – он любил эту серию. Только примерно вдвое меньше в высоту и в ширину – как раз чтобы Антонов мог без проблем перекинуть ее мне. Он сам распечатал анекдоты из сборника, напечатал обложку и отдал в переплет. И теперь Леня держал в руках томик с собственным портретом на верхнем поле и названием на нижнем «Анекдоты про Леонида Ильича».

- У вас там даже такое издают? - удивился он.

- Вроде да, но точно не уверен. А это штучный экземпляр, сделанный специально для вас. Здесь нет никаких упоминаний о том, когда, где и каким тиражом это было отпечатано. Так что при желании можете даже кому-нибудь показать.

- А что, думаешь, не покажу? Зря, еще как покажу. Виктории Петровне, например, вместе посмеемся. И еще соседу не помешает, Мише Суслову, про него-то небось не сочиняют.

- Как бы его кондрашка нехватила.

- Не хватит, у него здоровья на десятерых. Когда, говоришь, он помереть-то должен?

- Месяцев за девять до вас. Но теперь-то вы его наверняка переживете на подольше. И да, у меня для вас приготовлен еще один подарок. Сейчас вручать или при всех? Этот можно показывать кому угодно без ограничений.

- Давай сейчас, чего уж тянуть.

Я протянул ему часы «Восток» - «Морская пехота». Это были механические часы с автоподзаходом, и единственное небольшое несоответствие времени заключалось в картинке на циферблате - там была изображена БМД. Какая именно, не разобрать. Но раз ее примут на вооружение в шестьдесят восьмом, то опытные экземпляры наверняка уже есть, так что тут не подкопаешься.

- Хорошие, - одобрительно сказал Брежнев, повертев часы в руках, - вот только почему «Восток» не нашими буквами?

- Так ведь вам, Леонид Ильич, придется много работать на международном уровне. А слово «Восток» буржуи после полетов наших космонавтов должны знать не хуже своих. Вот и пусть читают.

- Согласен. Спасибо тебе, Витя, уважил. Но у меня к тебе еще одно дело есть, потому и пригласил пораньше. Много ты мне интересных материалов

предоставил, и вот я тут прочитал свои воспоминания, которые Аграновский написал вместе с Сахниным. По фактам там, конечно, все написано правильно. Но скучно же читать! Я там, на Малой земле, сам был раз сорок, и с людьми общался, и атаки фашистские отражал, мне до сих пор боевые товарищи письма пишут! Они – живые, и погибшие – достойны того, чтобы про них вспоминали и через поколения. А вот это, что тут за меня понаписали, вспоминать не будут. Я сам, читая, зевал. Ну нельзя же про такой подвиг – и так нудно!

– А не нудно Суслов не пропустил бы.

– Так год уже на внешних сношениях тот Суслов! Скоро вообще на пенсию уйдет. А ты дружишь с очень хорошим писателем, с Ефремовым. Попросил бы его, что ли.

Вот так, подумал я, от судьбы не уйдешь. Попытался Иван Антонович отбрезаться от такой чести и меня убедил, но вот на тебе. Похоже, все-таки придется ему писать еще и это.

– Ты не думай, – продолжал Леня, – лично прослежу, чтобы на обложке были обе фамилии. Не как тогда. Так и напишем – воспоминания Брежнева в литературной обработке Ефремова.

– В принципе, мысль вам пришла в голову здравая, но хотелось бы уточнить один момент. Есть же писатели-фронтовики, тот же Симонов, например, которые владеют темой лучше.

– Есть, конечно. Но я их попросить не могу. Могу только сделать так, что их якобы попросят, а на самом деле обяжут, но это будет совсем не то. Не пойдет тут писанина из-под палки.

– А Ефремова, значит, можете попросить?

– Тоже не могу, потому к тебе и обращаюсь. Ты-то можешь.

– Могу. И попрошу. Надеюсь, он мне не откажет. Но у меня к вам будет встречная просьба.

– Слушаю.

– Иван Антонович совсем недавно закончил новый роман – «Час Быка».

Ну да, в общих чертах так. А если уж быть совсем точным, то он закончил править тот текст, что получил из двадцать первого века. С мой точки зрения, получилось у него отлично, но у Брежнева и Демичева может быть другое мнение. Из книги исчезли все моменты, позволяющие рассматривать общество Торманса как вариант развития сегодняшнего Китая. Но зато появились новые, с которыми Торманс больше походил на продукт полного и окончательного вырождения «развитого социализма».

– Так вот, – продолжал я, – мне кажется, что книга получилась великолепная. Но неоднозначная, при желании там можно много чего усмотреть. И моя просьба состоит вот в чем – прочитайте эту книгу! А потом лично выскажите Ивану Антоновичу все, что вы о ней думаете. Он вполне вменяемый человек, и, если ваши возражения против чего-то там будут аргументированы, поймет их и, скорее всего, примет. И тогда точно с воодушевлением возьмется за художественную обработку ваших воспоминаний.

Брежнев, как уже говорилось, дураком не был и сразу понял, что ему предлагается. Публикация «Часа быка» в минимально урезанном виде в обмен на написание его мемуаров.

– Сильно хоть антисоветская книга? – задумчиво спросил он.

– С моей точки зрения, она вообще насквозь просоветская. Точнее, прокоммунистическая. Вы что, считаете, у нас все хорошо? Совсем-совсем, без исключений?

– Конечно, нет, я об этом и на съезде говорил.

– Ну вот, а Ефремов показывает, во что могут выродиться наши отдельные недостатки, если вместо борьбы с ними их будут замалчивать. И каких нравственных высот сможет достичь человек, если он вырастет в обществе, их

давно лишенном. Вот я вам и предлагаю – сами прочитайте. Чего вам мой пересказ слушать, как в анекдоте про Карузо и Рабиновича.

– Что за анекдот? – заинтересовался Брежнев.

Я рассказал.

– Рабинович, говоришь, напел? – рассмеялся Ильич. – Ладно, прочитаю. Книга у тебя с собой?

– Нет, я же не знал, про что будет разговор.

– Тогда... ммм... в среду вечером сам мне ее привези, часов в девять. Действительно, Карузо лучше слушать в оригинале. Да, и телефон Ефремова мне прямо сейчас напиши.

Разумеется, Брежнев мог просто распорядиться, и референт узнал бы ему этот номер меньше чем за пять минут. Однако пошла бы хоть маленькая, но волна, и значит, Брежнев ее не хочет. Интересно.

Брежнев тем временем продолжил:

– С этим, будем считать, закончили. Теперь вот что. Как твое мнение, получится у вас высадка на Луне к пятидесятилетию Октябрьской революции? А то вон мне доложили, про это даже известный английский фантаст Кларк писал.

– Как это его угораздило? – удивился я.

– А вот слушай.

Явно довольный тем, что смог поставить меня в тупик, Леня взял бумажку и прочел:

«Пат был не очень сведущ в земной истории; подобно большинству селенитов, он считал, что до 8 ноября 1967 года, когда русские столь эффектно отпраздновали пятидесятилетие своей революции, вообще не было великих событий».

– Артур Кларк, «Лунная пыль», – пояснил Брежнев. – Дату он слегка перепутал, но сама мысль интересная. И что же ты думаешь, писателей вроде него смогут потрясти демонстрация и парад на Красной площади? А вот высадка наших роботов на Луну сможет, и до самых печенок. Так что ты уж, Витя, постарайся не разочаровать его поклонников, да и всех советских людей тоже.

– Сейчас все зависит от Челомея, оба комплекта моих луноходов будут готовы к началу лета. Вы бы ему финансирования подкинули. Он хоть и не просит, но лишним оно точно не будет.

– Подкинуть ему можно, только сняв с Мишина. А он уже и так чуть ли не через день жалуется Устинову.

– Зато когда его Н-1 взорвется прямо на старте и разнесет половину Байконура, жаловаться начнет уже Бармин, и вполне обоснованно. Ну нельзя такую ракету запускать без полноценных наземных испытаний! А на них нет денег. И вообще, я Шелепину уже говорил, теперь скажу вам. В КБ Мишина творится черт знает что. Все прекрасно понимают, что над Н-1 еще работать и работать как минимум года четыре, если не пять, да и то при резком увеличении финансирования. И что принятая сейчас однопусковая схема ублюдочна сама по себе и ничем хорошим в наших условиях кончиться не может. Для нормальной лунной экспедиции с ракетой типа Н-1 нужно два пуска со стыковкой на орбите, а это еще годы и многие миллиарды. Но никто этого не решается сказать даже Афанасьеву, не говоря уж об Устинове, Шелепине и тем более о вас.

– Да, – вздохнул Брежнев, – похоже, мне придется еще с этим разбираться, задача слишком велика, чтобы ее тянул один Шурик. У тебя все?

– Почти.

– Тогда давай побыстрее, гости небось уже заждались.

– Светлана Аллилуева собирается сбежать. Может, отпустить ее? Шуму тогда будет гораздо меньше.

– Черт с ней, пусть уматывает. Пошли.

Гостей было немного, только члены семьи. То есть сын Юрий, который лично мне почему-то показался внешне больше похожим на Шелепина, чем на Леонида Ильича, и его сын Леонид десяти лет. Второй внук Брежнева, Андрей, остался дома. Вера успела шепнуть мне, что он болеет, и жена Юрия сидит с ним.

И разумеется, на празднестве присутствовала дочь Галина. Кстати, довольно красивая женщина! Она еще не успела стать карикатурно похожей на своего отца. Антонов уже начал было что-то этакое замышлять, но быстро обломался, и правильно. Потому как рядом с ней присутствовал рослый молодой красавец, похожий сразу и на Алена Делона, и на Ди Каприо, и вообще на идеал мужчины в девичьих грезах. Я даже не сразу понял, что это не кто иной, как Чурбанов. Значит, Леня таки ухитрился познакомить его со своей дочерью существенно раньше, чем это произошло в прошлом Антонова. И, кстати, правильно – по Галине только слепой не заметил бы, как она счастлива. Чурбанов на вид был поспокойней. Наверное, уже прикидывал карьерные перспективы, которые пообещал ему Леонид Ильич. Или вспомнил слова Пушкина о том, что «чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей». Интересно, они уже расписались или пока идет процесс ухаживания? Колец на руках у них вроде не видно.

Леня представил нас с Верой гостям, причем упомянул и про мои, как он сказал, «целительские таланты». Юрий встрепенулся, и я, после представления подойдя к нему, поинтересовался, что с его младшим сыном.

– Врачи говорят, бронхит, а Людмила им не верит, опасается воспаления легких, поэтому и осталась дома. Из-за его болезни задерживается моя командировка в Швецию.

Ага, подумал я, командировка в Швецию – это святое. Если она может сорваться, то тут действительно и к экстрасенсам побежишь. Тем более что я не простой экстрасенс, а еще и член партии.

И, значит, мы договорились, что завтра часов в восемь вечера я к ним заеду.

Юрий с сыном уехали довольно рано, примерно в полдесятого вечера. Когда они вышли, Брежнев попросил минутку внимания и без бумажки рассказал

несколько анекдотов из подаренного ему сборника. И когда только успел выучить-то?

Виктория Петровна и Вера смеялись, я за компанию тоже, хотя, разумеется, эти анекдоты уже знал. Галина ржала как лошадь. Чурбанов сидел с очумелым видом и явно не представлял, что ему делать. Смеяться над самим генсеком? Невозможно. Не смеяться, когда изволит шутить сам генсек? Невозможно еще более. Вот ведь дилемма-то возникла перед человеком, не позавидуешь.

Глава 4

В связи с работой на космос я помаленьку вникал в состояние дел в космической отрасли в СССР. И потихоньку офигевал. Как вообще в таких условиях удалось добиться хоть каких-то успехов? Причем в конце пятидесятых – начале шестидесятых успехи были не какие-то, а весьма значительные. Наверное, энтузиазм – это все-таки куда более мощная сила, чем мне раньше казалось.

По идее, в Союзе должна была быть государственная программа освоения космоса, рассчитанная где-то лет на десять вперед. И отработанный механизм ее корректировок по вновь открывшимся обстоятельствам: в космосе всего заранее не предусмотреть. А оказалось, что нет ничего. Ни программы, ни механизма. Какое-то свое подобие программы имелось в каждом КБ, а их число потихоньку росло. Между собой они не коррелировали почти никак, а некоторые даже ухитрялись противоречить сами себе. Взаимодействие между конструкторскими бюро происходило в основном не на техническом уровне, а на подковёрном. Как у главных конструкторов еще оставалось время на что-то, кроме грызни, понять было трудно. И ведь это в отрасли, пользующейся особым приоритетом во всем. Что творилось, например, в швейной промышленности, я даже не представлял. И не хотел представлять, потому что никогда не любил ужастиков.

Все это я узнал в процессе подготовки старта лунной экспедиции роботов и в результате сравнительно частых бесед с Челомеем. А что было не очень понятно, уточнял уже в двадцать первом веке. Если знаешь, как правильно сформулировать вопрос, то и ответ найдется без особых задержек.

Хорошо хоть Комаров слетал нормально. Косяк в парашютной системе нашли на стадии подготовки к полету, кого-то хорошо взгрели, кого-то вообще выгнали, и полет был успешно завершён. Правда, оставался открытым вопрос с клапаном, из-за внештатного открытия которого в прошлом Антонова погибли Волков, Пацаев и Добровольский. Даже в двадцать первом веке так и не удалось однозначно выяснить точную причину. Но это означает лишь то, что экипаж должен отработать подобную ситуацию ещё на тренировках. И наверное, совсем без скафандров космонавтов все же отправлять нельзя. Пусть будут хоть какие-то, предельно облегченные, способные в случае разгерметизации сохранить космонавтам жизнь минут хотя бы на пять. Погибшим ребятам и такого времени хватило бы.

Зато то, что Комаров летал один, а ведь был запланирован и параллельный пуск ещё одного корабля с экипажем из трех человек, получилось без моего участия. Видимо, наверху решили не рисковать.

Меня беспокоило поведение литиевых батарей на станции «Луна-9». Если и на луноходах они поведут себя так же, то есть начнут резко терять заряд через несколько часов после прилунения, то это будет если и не совсем катастрофа, но уж и никакая не великая победа точно.

Телеметрия с «девятки» шла довольно урезанная, температура измерялась только в приборном отсеке. Сколько градусов было конкретно на аккумуляторах, можно было только предполагать. Но раз на процессоре тридцать пять градусов, а это я знал, то скорее всего, температура окружающей среды градусов двадцать – двадцать пять. И значит, расположенный через тонкую стенку аккумуляторный отсек не мог быть ни раскаленным, ни замерзшим до глубокого минуса.

В принципе, это мог быть и один паршивый элемент, они все-таки китайские и иногда выходят из строя даже не в космосе, а и в домашних условиях тоже. Однако все полученные из будущего аккумуляторы тщательно проверяли и при малейших подозрениях откладывали в сторону – пригодятся для наземных испытаний.

На всякий случай Антонов переправил из будущего ещё полсотни элементов, из которых после отбора сорок три были признаны безукоризненными. Кроме того, я, пользуясь ещё не до конца освоенным запасом по весу, усилил радиационную

защиту аккумуляторных отсеков на всех луноходах. И снабдил эти отсеки отдельной дополнительной системой терморегуляции на элементах Пельтье. Но больше я ничего не успевал – осень шестьдесят седьмого года неумолимо приближалась.

Почти всю первую половину лета мне пришлось мотаться между Троицким и подмосковным Калининградом. Хорошо хоть в это время о пробках на МКАДе никто не мог даже помыслить, не то что в них стоять. Дорога занимала меньше часа.

Вообще-то главный Центр управления полетами находился в Крыму, в Евпатории, но я, один раз там побывав, сказал, что в таких условиях обеспечить нормальное управление луноходами трудно. И теперь оборудовал другой ЦУП, резервный, в том самом будущем городе Королеве. Решение о строительстве тут настоящего, полноценного Центра было уже принято, но когда оно начнет выполняться, пока оставалось неясным. Не исключено, что аж в семидесятых годах, как в прошлом Антонова. Ну, а моей задачей было подготовить всего лишь временный центр управления луноходами. Как я в процессе этого ухитрился поругаться не только с партийными властями Калининграда, но даже с министром общего машиностроения Афанасьевым – сам не понимаю. Причем про ссору с министром я узнал только после того, как мне о ней рассказал Зонис. Я же по наивности считал, что у нас была нормальная рабочая беседа, разве что на немного повышенных тонах.

Будучи еще только Антоновым, без раздвоения, я очень не любил работы, которые обязательно должны были завершиться огромным успехом к какой-нибудь знаменательной дате, а в советское время этим грешили постоянно. Практика показывала, что, даже если до эн-летия чего-то или кого-то там охренительного оставалось вполне достаточно времени для нормальной работы плюс небольшой запас, все равно перед датой обязательно начиналась нервотрепка, бардак и, как следствие, работа оказывалась не сданной как положено, а кое-как спихнутой.

В шкуре Скворцова я поначалу придерживался точно таких же взглядов, но по мере возни с луноходами они потихоньку менялись. Действительно, не буду же я возмущаться тем, что полет к Марсу или Венере можно проводить только в

точно определенные астрономические сроки, и никак иначе. Поперек законов физики не попрешь.

Так и здесь. Преследуй грядущая лунная эпопея хоть какие-то научные цели, я бы громче всех возмутился попытками привязать ее к какой-нибудь знаменательной дате. Но ведь цели-то были чисто пропагандистские! Даже если вдруг «Профессор» по какой-либо причине не сможет определить состав лунного грунта, то и хрен с ним, я это сделаю за него. В Интернете этот состав есть, Антонов уже проверил.

Однако правильная пропаганда – это наука. И раз наука утверждает, что луноходы должны открыть свой лунный цирк шестого, седьмого или на самый крайний случай восьмого ноября, то, значит, мне остается только принять эти даты как нечто объективное и непреложное. Я и принял. Огромная же разница – закончить работу вовремя потому, что так надо, или надрываться к искусственному сроку только для того, чтобы какой-нибудь чинуша смог красиво отчитаться и получил карьерные плюшки.

Работы по развертыванию Центра управления луноходами мы проводили вместе с Сашей Фроловским. Во-первых, потому, что без него они могли затянуться, он уже стал ценным специалистом. В отличие от нас с Антоновым он в достатке и даже небольшом избытке обладал педантичностью и въедливостью, а это при создании аппаратуры, где надежность стоит на первом месте, очень помогает. Кроме того, тому имелась еще одна причина, о которой Семичастный рассказал мне в конце мая.

– Видишь ли, Вить, – начал он, – твоей персоной никак не могут не заинтересоваться сначала западные аналитики, а потом и разведки. Не исключено, что они уже сподобились.

– Я тоже так думаю, и что из этого следует? Мне теперь ходить только в сопровождении роты охраны?

– Обойдешься. Но вот несколько исказить твою видимую роль не помешает. Ведь как сейчас обстоят дела в «Мечте» для тех, кто в теме? Директор там только для решения организационно-бюрократических вопросов, ну и для мебели. Все направления работ задаешь ты. Так?

- В общем-то да.

- Ну вот, а что, если при более глубоком анализе тут вскрыется второй слой? Будто на самом деле ты нечто вроде твоего директора, только при Саше Фроловском. Мол, настоящий технический гений - это он, а ты на самом деле при нем для обеспечения работ, отвлечения внимания, защиты от бюрократов и вообще от трудностей жизни, ну и для надувания щек.

- А Саша согласен? - спросил я и тут же понял, каким будет ответ. Что интересно, не ошибся.

- Он был согласен еще до того, как устроился работать в ФИАН.

- Так он что, с самого начала знал, кто я?

- Нет, но вполне обоснованно подозревал. Основания для подозрений ему предоставил лично я. Потом он их и сам увидел. Ну, а узнал подробности Саша уже от тебя.

- Интересно, а в каком он звании?

- Как там твой Екклезиаст говорил - «во многих знаниях многие печали»? Вот ты зря и не печалься. Потому что это еще не конец легенды. Дело в том, что твое знакомство с Брежневым, Косыгиным и Шелепиным не спрячешь. Со мной можно не прятать, при наличии таких знакомых я обязан обратить на тебя внимание по должности. И здесь как раз тот не самый частый случай, когда лучшей маскировкой для правды является она сама. Ты паранормальный целитель, это все объясняет. Но тут можно внести неотличимое от истины дополнение. Ты умеешь не только здоровье пациента улучшать, но и повышать его интеллект. Якобы Саша до знакомства с тобой был просто талантливым инженером, а стал гениальным. То, что в последнее время Челомей работает без аварий и очень результативно, тоже ложится в строку. Вот как-то примерно так. И то, что теперь Брежнев, Косыгин и Шелепин иногда демонстрируют повышенную прозорливость, можно при желании объяснить так же.

- И что, теперь все вражеские агенты, толкаясь локтями, будут наперегонки пытаться меня пристрелить?

- Меньше надо читать шпионских романов. Даже попытки вербовки скорее всего начнутся не с тебя, а с твоего ближайшего окружения. Зонису я уже сделал выговор за промах в отношении твоего тестя.

- Так его что, поили забугорные резиденты? Типа «так случиться может с каждым, если пьян и мягкотел»?

- Нет, пока еще просто дураки. Но надо быть готовым и к тому, что я предположил.

- А Вера...

- Не волнуйся, в группе, где она учится, есть наши сотрудники. И на улице за ней присматривают. Как и за Ниной Александровной. И за Ефремовыми, естественно. Кстати, сейчас прорабатывается еще один слой – что главный в вашей команде паранормалов он, а ты просто способный ученик. Поговорил бы ты с ним и об этом, и о том, что прослушка в его квартире будет не нашей прихотью, а объективной необходимостью.

- Вы что, ее еще до сих пор не поставили?

- Так тебе прямо все возьми и расскажи. Ты же небось ее там регулярно ищешь? Как найдешь, скажи мне. Интересно же.

Мы помолчали.

- Ах, да, – с некоторой задержкой вспомнил я, – Саша мне уже говорил, и я с ним согласился, что нам нужен еще один посвященный – у Пилюгина. А для полного комплекта еще и у Челомея. Тебе он, конечно, об этом тоже доложил.

- Само собой. У Челомея кандидата уже нашли, проверяем. Для Пилюгина готовим сами. Тебе это срочно? В смысле, до завершения первого этапа лунной программы потерпит?

– Да, пожалуй. Все равно за такой короткий срок в курс дела ввести людей будет трудно, но нам с Фроловским придется тратить на это время, которого и так впритык.

В августе мы с Верой съездили в Евпаторию. Я в командировку, а молодая жена меня просто сопровождала, благо у нее каникулы. Естественно, и ее дорога, и проживание шли за наш счет, про совесть я уже упоминал.

Нам с Сашей Фроловским нужно было оборудовать в ЦУПе рабочее место для него. Обеспечивать бесперебойное взаимодействие Центра с двумя бортовыми цифровыми вычислительными машинами лунного модуля, сокращенно БЦВМ, будет он.

Эти БЦВМ на самом деле были одноплатными мини-компьютерами «распберри-пай» с обвесом. И вместо трехсот с чем-то килограммов, как та БЦВМ, что предполагалась по первоначальному проекту, они вместе с герметичным корпусом, радиационной защитой, системой терморегуляции и резервными батареями немного не дотягивали до трех с половиной кило.

И еще один такой же мини-комп стоял в пульте управления и связи, который мы с Сашей смонтировали за неделю.

Море в Евпатории нам с Верой не очень понравилось, хотя, конечно, это было все-таки море, а не речка Пахра. Как это уже начало входить у нее в привычку, Вера опять обгорела, частично облезла и пошла пятнами, но теперь она уже не волновалась, что будто бы стала от этого некрасивой.

В конце августа мы вернулись в Москву.

Глава 5

Тридцатого октября шестьдесят седьмого года ракета-носитель «Протон-К», то есть челомеевская «Ур-500», вывела на околоземную орбиту автоматическую межпланетную станцию «Луна-17». ТАСС сообщил пока только это, не вдаваясь в

детали, а именно – что находится на борту этой станции.

Данная «Луна», несмотря на тот же номер, что у ее аналога в прошлом Антонова, от него все же заметно отличалась. В основном из-за доставляемого груза. Наверху в два этажа были укреплены четыре моих лунохода и аккумуляторная база для них.

В полет отправились два «Мальчика», двойка и четверка, как самые лучшие по результатам испытаний. «Профессору» с «Доцентом» замены не было, и они полетели, несмотря на периодические сбои у «Профессора». Третий научный луноход, пока условно названный «Аспирантом», а неофициально – «Двоечником», запускать было бессмысленно из-за необеспеченности научной аппаратурой. Хотя если первая экспедиция кончится неудачей, то и ему придется лететь, а потом на Луне изображать, что он там якобы что-то вдумчиво исследует.

Груз располагался на посадочном модуле в два яруса. Внизу более тяжелые научные луноходы и база, а сверху сравнительно легкие «Мальчики». С боков какое-то подобие закрытого отсека создавали сложенные солнечные батареи станции. Если посадка пройдет хоть и не полностью жестко, но все же не совсем мягко, батареи смогут как-то защитить луноходы от повреждений.

После выхода станции на орбиту я проверил телеметрию луноходов – все было в порядке. Как я считал, больше до самой Луны мне работы не будет (кстати, ошибся – все-таки нашлась), поэтому занялся оборудованием нашей с Верой так называемой комнаты отдыха, хотя на самом деле это были две небольшие комнатки и санузел при них. В идеале, если все пойдет как задумано, нам тут почти безвылазно сидеть двенадцать суток, времени на поездки домой не будет. А уставший и не выспавшийся пилот может оказаться даже хуже, чем вообще никакой.

Спальные места сразу вызвали у меня глубочайшее возмущение. Какой... (цензура) идиот додумался притащить сюда две раскладушки? Как на них можно плодотворно отдохнуть, а? Да еще с молодой женой.

Ясно дело, я сразу, не раскладывая, выставил в коридор эти убогие дюралево-брезентовые изделия, позвонил в институт, и вскоре дядя Миша привез мне два

больших и толстых матраца с двумя комплектами постельного белья. Я положил матрасы друг на друга, убедился, что их явно можно будет использовать по прямому назначению, после чего расставил немногочисленную мебель так, чтобы она не мешала ходить и даже, чем черт не шутит, создавала какое-то подобие уюта. Дядя Миша за это время съездил за вешалками для одежды и цветами в горшках на подоконники. В общем, к первому ноября, когда станция покинула околоземную орбиту и начала свой путь к Луне, я был полностью готов к трудовым свершениям.

Поздно вечером четвертого ноября в Центр управления приехала Вера, а станция вышла на окололунную орбиту, и в ней начала зависать первая БЦВМ. Мы с Сашей, который находился в Евпатории, попытались обсудить эту проблему, но получалось не очень. Разговор происходил по телефону, да еще с плоховатой слышимостью. Возможностей передавать изображения не было, и вместо рассматривания скрина экрана мне приходилось с трудом расслышивать, как Фроловский описывает, что происходит на его экране.

Однозначно причину подвисания мы так и не нашли, но решили, что от подключения резервного компа хуже не будет, особенно если разделить функции. На вновь включенный перевели всю телеметрию, а на основном оставили только навигацию и управление двигателями. Вроде система ожила, хотя все равно работала немного медленнее, чем на стенде. Но пытаться сесть уже было можно.

Станция сделала еще три витка вокруг Луны, уточняя место посадки, и на четвертом начала прилунение. До самого конца я не знал, как у них там дела, потому что отвлекать Сашу было нельзя, а по громкой связи транслировали какие-то градусы, метры и секунды, которые мне ничего не говорили.

Наконец зазвонил телефон на столе рядом с моим рабочим местом, а на моем пульте зажглась желтая лампочка.

– Сели почти нормально, только станция упала на бок, – сообщил мне Саша. – Передача с нее уже идет.

– Вижу.

– Удара при посадке не было, так что твои луноходы наверняка целые. Ну все, я иду спать, пока не свалился, почти двое суток за пультом. По мелочам не буди. Теперь ваша с Верой очередь, работайте.

– Веру позовите, – сказал я по громкой связи и уткнулся в окуляры, через которые был виден экран моего мини-компьютера с целью посмотреть, что показывают три камеры, установленные на самой станции.

Одна не показывала вообще ничего – похоже, станция легла именно на тот бок, где стояла камера. Вторая смотрела в небо, зато третья показывала лунный пейзаж и задранную вверх одну из посадочных опор станции. Я прикинул, куда и насколько надо повернуть камеру, быстро набрал команду и нажал большую клавишу с надписью «ввод».

Секунд десять не происходило ничего, а затем картинка на экране изменилась. Правда, луноходы все-таки оказались не в центре, а сбоку, так что потребовалась еще одна коррекция.

Вера была уже рядом и держала в руках очки объемного видения. Это они так назывались, а на самом деле больше походили на часть шлема.

– Как там? – шепотом спросила она.

– Вроде нормально, сейчас пройдут тесты, и сама все увидишь. Все, можешь надевать.

– Сигнал есть, но «двойка» ничего не видит, у нее голова в корпусе.

Я присмотрелся к своей картинке – той, что шла с камеры станции.

– Голову можешь выдвинуть на треть шеи, ни во что не упруешься. Только сильно ею не верти, в таком положении можно только градусов на тридцать.

– Да помню я, помню.

Верин луноход высунул нос за край корпуса и немного им поводил, как бы принюхиваясь.

– Ты сейчас на самом верху, – объяснил я. – Снизу слева «четверка», под твоими колесами «Профессор», сзади «Доцент» и база.

– Понятно. Мы сильно спешим?

– Вообще не спешим. Хочешь осмотреться?

– Да, и подумать, как теперь вылезать. Минут пять мне хватит.

– Думай хоть полчаса, лишь бы выбралась нормально, ничего не повредив.

Разумеется, на тренировках с макетом станции мы отрабатывали ситуации, похожие на теперешнюю. Вот только тренировки – это одно, а реальная Луна – несколько другое.

Не прошло и десяти минут, как Вера сообщила:

– Ну, начинаю.

Ее тонкие пальцы забегали по клавишам, а сама она что-то потихоньку зашептала. Я, кажется, даже расслышал «ну, маленький, не подведи, я же тебя всегда считала лучшим из всех».

Набор команд ушел к Луне. Я увидел, как луноход-двойка спрятал голову, протянул вниз левый манипулятор и тремя растопыренными пальцами уперся в борт «четверки». Правая же рука схватилась за скобу на корпусе станции. Потом руки напряглись, передняя часть лунохода поднялась, а положение относительно горизонта стало почти прямым. Теперь он держался на двух манипуляторах и правом заднем колесе. Остальные три висели... чуть не сказал в воздухе. В вакууме, в вакууме они висели.

Тем временем луноход сделал рывок сразу и упорным колесом, и обеими руками. Немного замедленный из-за пониженной силы тяжести прыжок – и вот он уже стоит на лунной поверхности, слегка покачиваясь на амортизаторах и выдвигая голову на всю длину шеи.

– У меня получилось, – радостно прошептала Вера.

– А ты что, сомневалась? Еще как получилось, всего одним набором прыгнула, ничего никому не повредив.

Потом я объявил по громкой связи:

– Товарищи! Свершилось – наш советский робот ступил на поверхность Луны. Вывожу трансляцию на телевизор.

Раздались аплодисменты, не занятый делом народ ломанулся к телевизору, а я надел свои стереоскопические очки. Пора было выбираться на волю и луноходу-четверке.

Мой вылез не так красиво, как Верин, я его вытащил тремя наборами. Не хотел рисковать и не хотел затенять триумф молодой жены. Потом мы с Верой, поддерживая манипуляторами, помогли выбраться сначала «Доценту», а потом «Профессору». Их пилотировали ребята из КБ Лавочкина. И наконец, на поверхность Луны вытащили базу. Первая задача лунной экспедиции была выполнена. Настала очередь второй, самой главной.

«Мальчик-два» подкатился к станции и вынул из зажимов флаг СССР, пока еще свернутый. Он был устроен наподобие зонтика, то есть должен был развернуться при нажатии кнопки, расположенной в самом низу. Его не требовалось никуда втыкать, снизу уже разложились три лапы. На Луне можно не бояться, что флаг унесет ветром.

Я снимал историческое действие всеми тремя камерами «Мальчика» и еще одной – со станции. Картинка с камеры самого высокого разрешения, помимо видеоманитофона, шла на телевизор. Ну и, естественно, внутри моего пульта абсолютно все писалось на флешку.

«Мальчики» встали перед развернувшимся флагом и заиграли – само собой, по радио – Гимн Советского Союза. Слов, к сожалению, у гимна в данный момент не было, а то бы они еще и спели. И ведь я предлагал написать слова! Уверял, что у меня получится даже лучше, чем то, что было в прошлом Антонова. Я ведь знаю не только рифму «свободный – народный», как автор всех трех одинаковых гимнов, но еще и «любовь – кровь» и даже «ж...а – Европа». Но Алексей

Николаевич почему-то моим аргументам не внял.

Если бы трансляция предназначалась только советским людям, то, наверное, играла бы запись из студии. Но Луну сейчас слушали все, кто имел такую возможность, так что пусть буржуи на здоровье наслаждаются звуками нашего гимна, доносящегося радиоволнами с ночного светила.

В зале почему-то стояла мертвая тишина, хотя гимн уже кончился. Решив, что это как-то неправильно, я вполголоса заорал в микрофон:

– Ура, товарищи! Флаг СССР установлен.

– У-уррра-а-а!!! – завопила Вера, да так, что у меня ненадолго заложило уши. Судя по тому, как замотал головой стоящий рядом инженер из НИИАПа, не только у меня. Никакой микрофон для озвучивания такого небольшого зала моей жене не требовался.

По залу разнеслось многоголосое «ура», перешедшее в аплодисменты.

Подождав еще минут пять, я объявил:

– Все, торжественная часть закончена. Начинается работа, просьба соблюдать тишину.

Я за четыре набора объехал лежащую на боку станцию, в целях получить более точное представление о том, как она лежит, и заодно получил данные о состоянии своего «Мальчика». Станция лежала неплохо, то есть не совсем горизонтально, а с небольшим наклоном в сторону посадочных опор. При посадке она, похоже, полностью разбила примерно треть солнечных батарей и одну телекамеру из трех. Но это не страшно, ей и оставшихся батарей должно хватить, а камеры теперь не особо нужны, большие на «Мальчиках» лучше. Главное, передатчик цел, а в крайнем случае его можно запитать и от базы, которая пока полностью исправна. Более того, связь с землей возможна и вовсе без передатчика станции, только ее качество будет гораздо хуже.

«Мальчик-четыре» почти без ущерба для себя перенес полужесткую посадку – на левой солнечной батарее отказали четыре элемента из тридцати пяти. Ничего, жить можно, по солнечным элементам у луноходов тридцатипроцентный запас.

– Как будем ставить станцию на ноги? – спросила Вера.

– Наверное, как на тренировках. Сначала поднимаем со стороны грузовой платформы, чтобы она встала градусов под сорок пять к нормали, а потом тянем за посадочные опоры.

Если бы дело происходило на Земле, то хрен бы луноходики смогли ворочать такую станцию, она весила тонну с хвостиком. Но на Луне сила тяжести в шесть раз меньше, так что должно получиться – зря, что ли, тренировались. Естественно, макет посадочного модуля, с которым проходили тренировки, весил сто восемьдесят кило.

– Товарищи ученые, – предложил я, – настала пора немного поработать физически. Рассматривайте это как выезд на картошку.

– Всегда готовы, – усмехнулся Гарик, старший команды от КБ Лавочкина. – Чай, не в первый раз.

За несколько итераций все луноходы заняли исходные позиции, и мы с Верой начали. То есть взялись манипуляторами за скобы на борту модуля, а потом совместным рывком немного приподняли его. В образовавшуюся щель тут же втиснулся «Доцент», а чуть замешкавшись, с третьего набора – «Профессор».

Мы с Верой отъехали каждый в свою сторону и обзрели результат первого этапа спасательных работ. С моей стороны, пожалуй, «Профессора» можно было подвинуть вперед сантиметров на пятнадцать.

– С моей больше, – добавила Вера.

– Не рискуем. Ученые, вводите пакет.

Управление луноходами имело два уровня – наборы и пакеты. Что такое наборы, я уже рассказал. Ну, а пакет – это совокупность наборов с возможностью выбора, какой когда выполнять. Что-то вроде «выполнять набор номер один, в отрезок времени от столько-то до столько-то произвести измерения таких-то параметров. Если полученные данные укладываются в первый диапазон, выполнять набор номер два, если во второй – номер три, а если вообще ни во что не укладываются, то номер четыре».

Так вот, мы с Верой еще немного приподняли станцию, а научные луноходы, как только с их спин снялось давление, подвинулись каждый на пятнадцать сантиметров вперед. Положение станции стало немного ближе к вертикали.

– Все, теперь должно получиться. Пошли тянуть.

Наши «Мальчики» объехали станцию, взялись каждый за свою посадочную опору и потянули их вниз. И, выполняя пакет, прыснули в разные стороны, как только опоры прошли положение неустойчивого равновесия. Чтоб, значит, станция их не придавила, если она по инерции завалится на противоположную сторону. Но обошлось, станция, покачавшись, замерла в вертикальном положении.

– Все, – резюмировал я. – Научные луноходы приступают к исследованиям, «Мальчики» раскрывают солнечные батареи и подзаряжаются, люди пьют чай или кофе.

– Может, некоторые перед кофе целуются? – шепотом спросила Вера.

– Нет, целоваться будем после выполнения третьего этапа и в своей комнате отдыха.

– Тогда мне еще пирожные. Такие, из яиц, беленькие и с хвостиками.

– Нам еще блюдечко безе, пожалуйста, – попросил я принесшую кофе девушку.

Диктор Левитан сообщил о великой победе советской космонавтики в пять часов вечера шестого ноября, когда луноходы колбасились на ночном светиле уже больше земных суток. До утра седьмого дотянуть не получилось, не дали западные телерадиокомпании.

Целый отдел в комитете мониторил эфир на предмет того, когда же наши идеологические противники решатся во всеуслышание объявить о творящемся на Луне шоу. Надо думать, кому положено в НАСА и тому подобных конторах, получили первые сведения вечером пятого, и задержка почти на сутки говорила о том, что значение события там осознали сразу. То есть решение – что и когда объявить по радио и телевидению – явно согласовывалось на достаточно высоком уровне. Жалко, конечно, что буржуины не дотянули до утра седьмого, но тут уж ничего не поделаешь. Хотя было бы здорово подогнать сообщение к параду или демонстрации, но нельзя же допустить, чтобы советский народ узнал о своем величайшем свершении от вражеских голосов.

В общем, как только где-то на западе первый диктор произнес первые слова про Луну, на Шаболовку пошла отмашка, и пребывающий в полной готовности Левитан начал своим фирменным голосом:

– Внимание! Внимание! Работают все радиостанции Советского Союза...

Зато рано утром седьмого к нам в Центр управления приехал сам Шелепин в компании самого Семичастного. И главное, еще и самого Ефремова. Причем они не сразу поперлись к нам с Верой и лавочкинским ребятам, а сначала через девушку, разносящую кофе, бутерброды с икрой и пирожные, поинтересовались, когда у нас будет перерыв минут на двадцать-тридцать.

– Через полчаса, – буркнул я, не снимая шлема и не прекращая натыкивать очередной набор. Мы с Верой потихоньку, не торопясь, гнали свои луноходы к небольшому безымянному кратеру километрах в полтора от места посадки, его фотографии с низкой орбиты чем-то заинтересовали ученых. Научные луноходы подзаряжались после проведения первого этапа исследований. Нештатной просадки батарей пока не наблюдалось ни у кого, и это радовало.

– Давайте мы доведем луноходы до вон того камня, – предложил Гарик, еще непривычный к визитам столь представительного начальства, – тут вроде ровно.

А вы идите, неудобно же.

Если бы рядом не было Веры, я бы объяснил, что именно неудобно делать, а так пришлось просто сказать:

- Ладно, передаю управление «четверкой» вам, зовут-то меня одного. Вера остается за старшего. Не торопиться, не рисковать, на рожон не лезть, кратер никуда не убежит. Даже на самом что ни на есть ровном месте разрешаю итерации не более чем по десять метров. Готовы? Перекидываю канал на ваш пульт.

- Поздравляю, - сказал Семичастный, когда мы вчетвером зашли в наши с Верой комнатки отдыха. - И это самое, ты вроде спокойный человек, по пустякам не нервничаешь?

- Хм, - негромко дополнил Шелепин. Наверное, он что-то вспомнил.

- Неприятные новости? - предположил я. - Надеюсь, что не совсем катастрофические. В общем, слушаю.

- Политбюро приняло решение о награждении всех участников программы. Тебе, как ее руководителю, докторская степень без защиты, по совокупности работ, Ленинская премия и звание героя соцтруда.

- Да, не очень, но не трагично. Премия и степень - это ладно, но без звездочки я бы прекрасно обошелся, у нас в Троицком в парикмахерской очередей не бывает.

- При чем тут это? - удивился Шелепин.

- Герои Советского Союза, Герои Социалистического Труда и полные кавалеры ордена Славы во многих местах, в том числе и в парикмахерских, обслуживаются вне очереди.

- Ну что я говорил? - ухмыльнулся Семичастный. - Так и есть, отмочил. Ничего, примешь звезду и даже иногда носить ее будешь, не надорвешься. Но это еще не все. Разумеется, награждаешься не один ты, но только твое награждение будет открытым. А потом ты выступишь в программе Ивана Антоновича как

главный конструктор луноходов.

– Но почему я-то? Тот же Глушко, как и покойный Королев, сильно обижается на власть за отсутствие вполне заслуженной славы. А у меня и с заслуженностью так себе, и слава мне нужна даже меньше, чем собаке пятая нога. И так в Троицком на улице узнаю?т.

– Ну, во-первых, это будет тонкий намек. Мол, не надо попусту обижаться, тогда и со славой станет получше. А во-вторых, такое решение принято в интересах легенды. Ни один серьезный аналитик не поверит, что советское руководство ни с того ни с сего взяло и рассекретило одного из ведущих разработчиков космической программы. То, что электроника на «Луне» и луноходах опережает достигнутый ими уровень, на западе уже поняли. И поверить в то, что одного из настоящих авторов этого опережения выпустили красоваться на публику, там ни за что не смогут. По крайней мере, в обозримые сроки.

– А, ну теперь все понятно, а то я уже прикидывал, не пора ли начинать волноваться. Можно успокоиться.

– И это будет несколько преждевременно, – вступил в беседу до того скромно стоящий в сторонке Ефремов. – Мы здесь люди не такие уж молодые, в лучшем случае сможем только подготовить почву для грядущих преобразований общества. Осуществлять их придется вашему поколению. И лично вам, как инициатору. Готовьтесь начать заочную учебу в Высшей партийной школе, чтобы в уже в шестьдесят восьмом году стать кандидатом в члены ЦК.

– Без вас я туда не пойду.

– И снова я оказался прав! – уже в голос захохотал Семичастный. – Увы, Иван Антонович, вам не отвертеться, так что тоже готовьтесь.

– Что там? – спросила Вера, когда я вернулся на свое рабочее место.

– А, ерунда, опять премию дали, потом расскажу в подробностях. И нас сейчас Иван Антонович придет снимать для своей программы.

- Неужели по телевизору покажут?

- Конечно, но тебя – только в шлеме. Чтобы к тебе потом поклонники на улице не приставали.

- А поклонницам к тебе, значит, можно?

- Я человек простой и не очень воспитанный, поэтому посылать их буду сразу, а ты у нас натура тонкая и сострадательная. Дай-ка лучше я посмотрю, куда вы тут без меня доехали. Луноход-то мне не поломали?

Кратер был небольшой, метров семьдесят в диаметре, но довольно глубокий и с почти отвесными краями. Мы с Верой его объехали и убедились, что участка, где можно хоть с какой-то вероятностью успеха спуститься вниз и, главное, потом вылезти обратно, просто нет. Правда, в одном месте у нас с Верой все-таки возникли подозрения, что при каких-то условиях тут будет возможен не только спуск (свалиться вниз вообще-то нетрудно), но и подъем обратно. Однако камеры луноходов находились слишком низко, чтобы уверенно рассмотреть картину за гребнем склона кратера.

- Эх, – вздохнул я, – нам бы еще полметра высоты. Даже, наверное, сорока сантиметров хватит. Кто же знал, что на Луну надо брать с собой стремянку? Прямо хоть наваливай кучу из камней, чтобы потом на нее взобраться.

- А давай я на тебя залезу? – предложила Вера. – «Мальчишки» как раз сорок пять сантиметров в холке. Может, чего и увижу.

- Сможешь? Мы же такое не тренировали.

- Ничего, попробуем. Вряд ли что-нибудь сломаем, я осторожно.

С первого раза у Веры не получилось, «Мальчик-два» свалился со спины моей «четверки» и упал на бок, но вернулся в нормальное положение сам, без моей помощи.

- Ничего себе не сломала?

– Нет, конечно, тут тяжести-то тьфу, и все. Сейчас еще разок попробую, я, кажется, поняла, что делала не так.

Со второго раза «двойка» все-таки взгромоздилась на спину «четверки» и завертела головой, осматриваясь. Я подключился к ее камерам.

– Кажется, вон там вроде можно, но надо сдвинуться метров на семь вперед-вправо, чтобы получше рассмотреть. Будешь слезать или так на мне и поедешь?

– Если не станешь переходить в галоп, то лучше на тебе, на самом краю снова взбираться будет опасно.

Я ввел набор на очень осторожное перемещение, а Вера вцепилась манипуляторами мне в бока. Сменившиеся картинки показали нам, что наездник не свалился со своего коня, а за гребнем стало хоть что-то видно.

– Наверное, можно будет попробовать, но не сейчас, – резюмировал я. – Скорее всего, даже не в этой экспедиции, а в следующей. Или, может, Земля сможет прислать нам моток веревки. А так слишком опасно.

Отчет обо всем этом был отправлен Келдышу, и минут через сорок пришел ответ. Нас просили еще раз объехать вокруг кратера и собрать камни, уделяя особое внимание тем, которые хоть чем-то отличаются от обычных лунных, коих мы уже видели немало. За время ожидания ответа наши луноходы раскрыли солнечные батареи и слегка подзарядились.

Необычный камень нашелся всего один, и отыскала его Вера.

– Вить, смотри!

«Двойка» показала зажатый в трехпалой клешне манипулятора булыжник размером с крупное яблоко.

– Видишь, как блестит на изломе?

– Да, похоже, это обломок какого-то инопланетного металлического метеорита. Скорее всего, того, в результате падения которого и получился это кратер. Как ты его углядела-то?

– Он на солнце под определенным углом поблескивал, я его заметила еще при вводе предыдущего набора.

На всякий случай мы накидали в корзинки на загривках луноходов еще по несколько камней и покатали обратно. Так как путь был уже знаком – мы ехали по собственным следам и могли особо не осторожничать, – то доехали быстро, за полчаса с минутами.

Следующие сутки работал в основном «Профессор». Мы с Верой отдохнули, убедились, что матрасы очень удобные и не скрипят, а с утра восьмого ноября снова начали трудовую деятельность.

Первым делом наши луноходы по очереди поздравили всех с пятидесятилетием Великой Октябрьской социалистической революции. Сначала весь советский народ, потом партию и правительство, затем своих конструкторов, а под конец «Доцента» с «Профессором» и друг друга.

– Вить, а почему сегодня? – тихо спросила Вера. – Праздник же был вчера.

– Если материала много, его нельзя вываливать одной кучей, – объяснил я. – Вчера и кадров с высадки было достаточно, а мы ведь еще и установку флага показали. К тому же в Москве парад, демонстрация, потом Брежнев выступал, за ним Шелепин, а народ уже начинал праздновать. Оно нам надо, чтобы на наши луноходы смотрели с пьяных глаз? Зато сегодня все более или менее протрезвели, и вот им свежая порция зрелищ. Давай, надевай шлем, у нас тоже сейчас демонстрация будет. Пошли за транспарантами.

На самом деле тут сказалось еще одно обстоятельство. Ведь Кларк писал именно про восьмое число, и я не хотел давать повод для упреков в неточности предсказания. Все-таки это фантаст, каких мало, Антонов в свое время им зачитывался.

Все необходимое для демонстрации при посадке уцелело, и вскоре луноходы выстроились в праздничную колонну. Верин «Мальчик-два» с небольшим красным флажком встал первым. За ним пристроился «Доцент», следующим был «Профессор». Замыкал колонну «Мальчик-четыре» с транспарантом «Слава КПСС!». Научные луноходы ничего не несли – потому как, подобно многим ученым на Земле, они были безрукими. Вся эта когорта три раза объехала вокруг флага, после чего пленка с видеозаписью была вручена дежурному курьеру, который повез ее в телецентр. Музыка и комментарии будут наложены уже там.

Ну а наши «Мальчики» направились в противоположную от недавно исследованного кратера сторону. Как скажут телезрителям – с целью исследования местности и поиска места для строительства лунной базы. На самом деле задачи пока были несколько скромнее. Мы хотели подняться на холм, с него снимки лунного лагеря должны получиться достаточно красивыми. И посмотреть, что за холмом. Судя по снимкам с орбиты, там было ровное место. Так вот, требовалось уточнить, насколько оно ровное и как далеко простирается. То есть пригодно ли оно для установления рекорда скорости езды по Луне, или придется продолжать поиски.

Место оказалось отличным. Мы обмерили его при помощи лазерных дальномеров и убедились, что тут вполне поместится замкнутый километровый маршрут.

Этот самый маршрут мы с Верой объехали три раза, попутно убрав с трассы несколько булыжников, могущих помешать во время рекордного заезда. Потом вместе составили длинный, почти на пределе набор из ста двадцати шести команд, и «Мальчик-два», выполнив его, без остановок проехал километр и вернулся к месту старта. Пока с небольшой скоростью, порядка трех километров в час, – мы проверили адекватность набора дорожной обстановке. На маршруте луноход не управлялся извне. Он последовательно выполнял введенные команды, и вмешаться в этот процесс мог только его собственный ходовой контроллер, если ситуация покажется ему опасной.

Просмотрев записи пробного заезда, мы с женой пришли к выводу, что можно ехать по-настоящему. Вера перекинула мне набор команд, я почти до предела увеличил в нем скорости на отрезках, после чего оба лунохода раскинули солнечные батареи и замерли – перед рекордом следовало подкрепиться. Нам тоже, поэтому мы сняли шлемы и отправились в наши комнатки отдыха, куда должны были принести обед на двоих.

Потом был краткий послеобеденный сон, и наконец мы вернулись на свои рабочие места и приступили к установлению рекорда. Ехать должен был «Мальчик-четыре» – Вере своего было жалко, все-таки это довольно опасное дело.

Я в последний раз запустил тесты, убедился, что все в порядке, и нажал клавишу «ввод». Луноход рванулся вперед. Его максимальная конструктивная скорость составляла двадцать пять километров в час.

Еще на стадии эскизного проектирования Шелепин допытывался у меня, зачем я хочу ставить столь мощные моторы, по предварительным расчетам хватит и вдесятеро менее мощных. И спрашивал, на кой хрен на черно-белой Луне нужны цветные камеры.

– Ну, во-первых, если приглядеться, то видно, что Луна тоже хоть и совсем немного, но цветная, – ответил тогда я. – Но это ладно, а Земля, видимая с Луны – она что, тоже черно-белая? Никаких надписей и рисунков на луноходах не будет? И наконец, самое главное. Флаг СССР – он какого цвета?

Вопрос с камерами тогда был закрыт. Ну, а после просмотра видео с рекордного заезда и про мощность моторов станет понятно.

Луноход мчался, периодически взлетая вверх на неровностях – сказывалась малая сила тяжести. При этом он пылил, как грузовик на сухой деревенской грунтовке. Правда, пыль оседала куда быстрее, чем на Земле.

На особо высоких прыжках Вера вцеплялась мне в локоть и тихонько ойкала – действительно, был риск перевернуться. Однако обошлось.

– Очко! – восхищенно сказал Гарик. – Тютелька в тютельку.

– Что? – не поняла Вера.

– Средняя скорость на маршруте двадцать один километр в час, – перевел я для наивной и неискушенной в карточных играх девушки.

Глава 7

Только девятого ноября у меня появилось время посмотреть записи всех программ телевидения, посвященных лунной эпопее, и почитать газеты. И поинтересоваться, как вообще народ воспринял весь этот цирк.

Оказалось, что с восторгом, соизмеримым с тем, что был после полета Гагарина. Всю первую половину дня восьмого числа, когда шли лунные сюжеты, на улицах Москвы было пусто – все прилипли к телевизорам. У кого их не было, шли к соседям или в специальные комнаты при ЖЭКах, где заранее установили ящики, причем в большинстве цветные. Руководство явно приняло к сведению мои слова о важности телевидения в идеологической борьбе.

Потом я почитал «Правду» и «Известия», но ничего нового там не обнаружил. Сам же принимал участие в предварительном согласовании материалов, так что удивляться тут было нечему.

Зато вечером мне принесли «Нью-Йорк таймс» с большой статьей про наши луноходы. Статья оказалась очень интересной.

Автор приложил немалые усилия, чтобы казаться объективным, поэтому он начал с признания того, что наша программа является большим шагом вперед в деле освоения космоса. Отдал должное советскому руководству, которое заявило, что научные данные, полученные на Луне, никто засекречивать не собирается, они будут предоставлены всему человечеству на безвозмездной основе. И подтвердил, что результаты, полученные «Доцентом» и «Профессором», имеют огромное научное значение. Но потом он пустился в рассуждения о том, что высадка на Луну автоматов – это гораздо более простая задача, чем высадка человека. Во-первых, им не нужна система жизнеобеспечения, поэтому посадочный вес будет меньше. Во-вторых, их не нужно возвращать, в силу чего русским хватило всего двадцати тонн, выведенных на околоземную орбиту, в то время как для полета человеческого экипажа потребуется раз в пять больше, а ракеты такой мощности есть только у Америки. Наконец, допустимый риск для роботов гораздо выше, чем для человека. Все это сильно удешевляет программу, поэтому неудивительно, что небогатые русские выбрали именно ее. Однако Соединенные Штаты могут

позволить себе гораздо больше, поэтому не собираются отказываться от своей лунной программы.

Неплохо, признал я. Вот только, наверное, скоро будут заданы примерно такие вопросы. Почему тогда в Америке уже погибли три астронавта, а русские роботы, хоть допустимый риск для них выше, пока все целехоньки? И вообще, за чей счет банкет? Если роботы уже получили результаты и даже воткнули в Луну свой красный флаг, то не слишком ли дорого платить двадцать пять миллиардов долларов только за то, чтобы под номером два на Луне появился еще и американский звездно-полосатый?

Тем более что Брежнев скоро выступит с инициативой об объединении усилий в освоении Солнечной системы. Мол, это поможет либо за те же деньги достичь куда более серьезных результатов, либо как минимум получить те же результаты с серьезной экономией средств для каждой страны-участника.

Ну, а если с сияющих высот земной политики спуститься на Луну, то я вынужден признать, что рекорд не прошел для моей «четверки» даром. У нее начал греться двигатель правого переднего колеса. Пока еще не очень сильно, температура держалась градусов на семь-восемь выше, чем на трех остальных, но это явление потихоньку прогрессировало. Поначалу разница была меньше пяти градусов. Теперь, чтобы не напрягать большой двигатель, мой «Мальчик» ездил совсем медленно, порядка двух километров в час. Если потребуется куда-то спешить, мотор можно будет вообще отключить, но это процесс одноразовый – обратно подключить уже не получится.

За всю следующую неделю «Мальчики» не так уж часто занимались полезными для науки делами. Они расколотили привезенный с окрестностей кратера булыжник на несколько частей и время от времени засовывали их под хвост «Профессору» для исследований. «Доцент» пока обходился обычными, не столь интересными лунными камнями. Зато кратерный образец вызвал настолько большой интерес, что к нам приехал сам Келдыш, и ему долго показывали все отснятые в районе кратера кадры.

– Нужна следующая экспедиция, и побыстрее, – резюмировал он, уезжая. – Или, может, все-таки попробуете спуститься в кратер сейчас?

– А смысл? «Мальчик» исследовательской аппаратуры не имеет, и выбраться из кратера без веревки, да еще с образцами, он точно не сможет. «Профессор» и так еле жив, сбоит через раз, вручную приходится перезапускать, и что с ним будет после того, как он проедет полтора километра и свалится вниз, я не знаю, но думаю, что ничего хорошего. Скорее всего, попусту угробим два лунохода. И главное, кратер-то никуда убегать вроде не собирается. Опять же американцы прилетят на Луну никак не раньше, чем через год, так что и воровать ценные камни там пока некому. Надо готовить специальную экспедицию, поспешность нужна только при ловле блох. И кстати, Академия наук по-прежнему регулярно срывает сроки поставок аппаратуры для третьего научного лунохода, «Аспиранта». А ведь уже почти готово еще одно такое же шасси. Чем его набивать будем?

Келдыш пообещал ускорить все, что от него зависит, и отбыл.

Мы же начали готовиться к ночевке, которая на самом деле будет больше похоже на зимнюю спячку, ведь лунная ночь длится две недели. Все луноходы под завязку зарядили свои батареи, база тоже, и вскоре с посадочного модуля можно было отснять красивую картину – крест из четырех луноходов, в середине квадратная база, и все это отбрасывает длинные тени в лучах опустившего к самому горизонту Солнца.

Когда наступила лунная ночь, мы с Верой вернулись в Троицкое. По поводу нашего приезда и вообще недавних достижений советской науки был устроен небольшой праздник, после которого Вера мне сказала:

– Знаешь, а ты ведь, похоже, не зря старался там, на матрасах. Кажется, у нас будет ребенок.

– Как ты это можешь чувствовать всего через неделю?

– Не знаю, но как-то чувствую.

– Ну-ка, дай мне руки.

– А почему не живот? Он же там.

– Я так привык, по-другому не умею. Хм, а ведь действительно... точно сказать не могу, сам пока еще ни разу не беременел, но, похоже, действительно что-то есть. Ну и замечательно! Ты как раз успеешь сдать сессию, а потом спокойно уйдешь в академический отпуск. Только, может, тебе пока прекратить пилотирование лунохода? Начало беременности самое опасное, а Гарик с Васей как-нибудь справятся. А то вдруг ты там разволнуешься до выкидыша.

– Во-первых, я тогда дома буду волноваться гораздо больше, вдруг они там сломают моего «Мальчика»! А во-вторых, сам же меня учил аутотренингу. В общем, никуда я от своего луноходика не уйду, пока он живой.

– Так ведь он все равно рассчитан максимум на четверо лунных суток. Потом – самоликвидация.

– Жалко, но что ж поделаешь? Он сам это знает и не против такой судьбы.

В первую неделю лунной ночи я больше времени проводил в Москве, чем на работе. Сначала было награждение с последующим банкетом в Колонном зале, во время которого мне надоело отвечать любопытствующим, почему я не пью. Кажется, они решили, что это последствие каких-то космических исследований. Потом был официальный визит в ФИАН, тоже завершившийся пьянкой, но там меня ни о чем не спрашивали, потому что все необходимое заранее рассказали сотрудники лаборатории Якова Наумовича.

Затем начались многочисленные визиты в телецентр на Шаболовке. Я принимал участие в программе Ефремова, выступал вместе с Келдышем и сам по себе.

Один раз даже пришлось съездить в Останкино – башня была еще не совсем достроена, но уже сдана к годовщине революции, и мое появление якобы должно было доказать, что тут все прекрасно.

Ну и, разумеется, не обошлось без посещения косыгинской дачи, где уже стоял новый каменный дом, и дом номер двадцать шесть по Кутузовскому проспекту. К нашему с Верой приезду там даже накрыли праздничный стол.

К Вере сразу прилипла четырнадцатилетняя внучка Брежнева, Вика, а меня хозяин зазвал в кабинет, где объявил:

– Партия в тебе не ошиблась, практически авансом инициировав присуждение степени, премии и награждение. Первый этап лунной экспедиции прошел с блеском. Мне уже доложили, что ты собираешься учиться в ВПШ. Правильное решение, я от тебя другого и не ждал. Если понадобится помощь, обращайся без всякого стеснения. Поможем.

То есть Ильич мне намекал, что я могу не больно-то надрываться на учебе, оценки один черт будут, причем не двойки и не тройки.

– Спасибо за доверие, Леонид Ильич! Приложу все силы, чтобы его достойно оправдать.

Или, если перевести на нормальный русский, я пообещал Лене особо не наглеть и придерживаться в рамках хотя бы минимальных приличий.

Когда мы с Верой вернулись в Центр управления, то увидели, что лунная ночь все-таки сказалась на нашей электронно-механической компании. Во-первых, у всех без исключения, в том числе и у базы, емкость аккумуляторов упала процентов на десять-пятнадцать. А во-вторых, поврежденный передний двигатель «четверки» вообще замкнул накоротко, его пришлось отключить. Да и работающих элементов на солнечных батареях у моего лунохода оставалось чуть больше половины.

«Профессор» тоже повел себя как почтенный ученый весьма и весьма преклонных лет, то есть окончательно впал в маразм. Кое-как ездить он еще мог, а вот проводить хоть какие-то исследования – уже нет.

«Доцент» оставался практически исправным, и «Мальчик-два» тоже. В общем, вся команда была готова к дальнейшим подвигам на ниве пиара, поэтому новый лунный день начался с хорового исполнения песни «Утро красит нежным светом стены древнего Кремля».

В общем, второй день почти до самого лунного вечера шел, как задумывалось. «Мальчики» веселили советский народ и часть прогрессивного человечества, «Доцент» что-то там потихоньку исследовал, а «Профессор» потерянно слонялся

по лагерю с таким видом, будто и он занят чем-то полезным для науки. Однако за двое суток до окончания лунного дня в Центр управления явился Келдыш.

– Принято решение о форсированной подготовке второй лунной экспедиции, – сообщил он мне. – Старт ориентировочно в конце декабря. Главная задача – исследование кратера, уже полученные результаты чрезвычайно интересны. Сделайте, пожалуйста, все, что от вас зависит, чтобы этот полет состоялся и увенчался успехом. И на Земле, и на Луне.

Ну, на Земле-то более или менее ясно, что надо будет сделать. А на Луне? Наверное, лучше загнать все луноходы в спячку. Пусть днем они только подзаряжают батареи и отправляют короткие сообщения о своем состоянии, но больше ничего не делают и никуда не ездят. Тогда есть вероятность, что они все-таки дождутся прилета своих братьев с Земли. Хотя, пожалуй, кое-что можно сделать и сейчас, а именно – наделать побольше снимков того участка, на котором теоретически можно съехать в кратер, а потом выехать обратно. Чтобы на Земле можно было составить более подробный план спуска.

Мы с Верой поехали потихоньку, чтобы зря не нагружать мой и без того охромевший на одно колесо луноход, поэтому дорога заняла часа два.

– Подставляй спину, – сказала Вера, – как тогда, заберусь здесь, а потом ты подъедешь поближе.

Вот только, как раньше, у нас, к сожалению, не получилось.

Верин луноход взгромоздился на спину моему с первого раза, я ввел набор и стал ждать, когда появится картинка после его завершения. Она и появилась, но совсем не такая, как ожидалось.

Горизонт был завален, то есть «Мальчик-четыре» лежал почти на боку, упираясь в лунный грунт манипуляторами. А гребень склона кратера исчез, и на месте выступа, ранее заслонявшего нам часть вида, оседала лунная пыль. Теперь кратер был виден почти весь. В центре – куча камней, которой раньше не было, а в ней – «Мальчик-два» вверх колесами.

Я прокрутил запись и понял, что случилось. Обвалился кусок гребня. Из-за более чем двухсекундной задержки прохождения сигнала туда и обратно я не только не мог ничего сделать, но и заметить тоже ничего не успевал. Но зато успел ходовой контроллер «четверки». Почувствовав резкое изменение своего пространственного положения, он, не ожидая команд, сделал то, что полагалось по зашитой в память программе – уперся растопыренными манипуляторами в грунт. Это его и спасло. А Верину луноходу упираться было некуда, и теперь он валялся на дне кратера.

– Вить, я ничего не вижу, – зашептала Вера. – И у меня что-то с руками...

Я схватил ее за запястья, но тут же понял, что она говорила о луноходе. На ее пульте ярко горела красная лампочка, что означало – давление в гидросистеме упало ниже минимального допустимого.

– Переключаю на себя, – сказал я. – Снимай шлем, иди в наши комнатки, я скоро подойду.

– Что... все? – потерянно прошептала Вера.

– Да. Иди, дорогая.

И рявкнул по громкой связи:

– Вася, Гарик, проводите!

Сам же попытался оценить, что там с «двойкой».

Увы, картина была совершенно безрадостной. Сигнал не шел ни от одной из камер – наверное, при падении луноход свернул шею. Давления в гидросистеме вообще нет, то есть где-то не просто утечка, а здоровая дыра. Заряда осталось тридцать процентов, и он продолжает падать. Только передатчик с процессором уцелели, отчего я продолжаю получать сведения.

Ситуация была совершенно безнадежной. Но прежде чем подать сигнал о самоликвидации, я переключился на свой луноход и поточнее сфокусировал его камеры на уже почти погибшем собрате. Пусть последние секунды короткой, но

очень насыщенной жизни «Мальчика-два» будут достойно запечатлены для истории.

Все, возвращаюсь к «двойке». Набор кода, клавиша «ввод». Короткий писк пульта, и на Луне стало одним погибшим роботом больше. На картинках с моего лунохода видно, как из щелей в корпусе «двойки» ударили струи дыма. На пульте управления «2» замигало табло «потеря связи», и я его выключил. Потом аккуратно отодвинул свой луноход от края осыпи. Все, можно ехать домой, в лагерь, но с этим справятся и Вася с Гариком, а мне надо идти успокаивать жену, а то ведь как бы чего не вышло. Да и у самого, честно говоря, на душе довольно погано.

Глава 8

Еще когда я сразу после гибели «двойки» вытирал слезы Вере, мне пришло в голову, что она ведь не одна такая. Даже в Центре управления многие относились к луноходам хоть и не как к живым существам, но уж и не как к программируемым самоходным игрушкам. Ближайшими аналогами, как ни странно, были роботы из сборника Азимова «Я, робот». Книгу перевели на русский язык недавно, и она пользовалась популярностью. А так как в Центре мне делать было в общем-то нечего, все оставшиеся луноходы уткнулись в базу и впали в спячку, я позвонил Брежневу, сообщил о произошедшем на Луне и сказал, что у меня есть мысли о том, как это правильно подать в средствах массовой информации.

– Уж не «двойка» ли в ту яму упала? – спросил Брежнев.

– Да.

– Тогда тебе надо подумать еще и о том, как эту новость подать у меня дома. Вика реветь будет, хоть и почти взрослая. Она нам с Викторией Петровной все уши прожужжала, не отрываясь от телевизора. «Мальчик-два» такой, «Мальчик-два» этакий, а как его наградят, когда он домой вернется? Тьфу! Даже неудобно было говорить, что он там и останется, а тут вообще вон оно как получилось. В общем, езжай к Демичеву и объясни ему, что ты хочешь, я сейчас позвоню. А вечером – к нам, Вике расскажешь, чтобы она от тебя все услышала, а не от

телевизора. Ну, а пока не откладывай, двигай на Старую площадь.

Поначалу Демичев не оценил моей идеи относительно некролога о героически погибшем луноходе, несмотря на недавний звонок Брежнева.

- Это же просто механизм с руками! - начал было возражать Демичев.

- Спорить не буду, но позволю себе уточнить, что этот, как вы его назвали, «механизм» уже сделал для пропаганды советского образа жизни больше, чем весь идеологический отдел ЦК.

- Что вы себе позволяете?!

- Говорить правду. Или здесь для нее не место? Тогда я сегодня же вечером сообщу Леониду Ильичу, что он ошибся, направив меня сюда.

- С-слушаю, - процедил Демичев, сразу сбавив накал.

- Так вот, какие мысли еще три недели назад посещали простого советского человека, увидевшего плакат «Слава КПСС!»? В лучшем случае никакие, он смотрел, но в мозгу чаще всего ничего не откладывалось. А в худшем - начинало копиться раздражение. И что теперь? Видя этот лозунг, люди вспоминают луноходик с транспарантом и улыбаются. Еще один пример. Недавно тут по телевизору выступала какая-то харя поперек себя шире, в экран еле влезшая, насчет того, что, мол, наша цель - коммунизм. Рассказать, как на это народ по кухням реагировал? Цензурных комментариев было мало, а основной смысл - «Да у вас по закрытым дачам и так давно полный, мля, коммунизм!» А когда то же самое говорит луноход с Луны, после опасной экспедиции, в которой он получил тяжелую травму правого переднего колеса, но остался в строю, реакция совсем другая. Надо же, и эти в коммунизм хотят! Может, действительно возьмем? Ведь стараются же!

- Да я вас не про достижения луноходов просил рассказывать! А про ваши предложения.

- Повторяю еще раз. Нужен некролог в «Правде». Пусть оформленный не совсем так, как на человека, но все равно на первой странице. Вот текст. Вот фото погибшего. Траурная рамка, как видите, совсем тоненькая, но убирать ее не надо, как и наклонную полосу в правом углу.

Это был фотомонтаж, подходящего по всем параметрам снимка не нашлось. «Двойка» с красным галстуком на шее вскинула манипулятор в пионерском салюте, это фото было сделано в актовом зале. И при помощи фотошопа вставлено в лунный пейзаж с Землей на заднем плане. Тень я рисовал сам, вроде получилось неплохо.

- Но у центральных газет нет цветной печати! - не унимался Демичев.

- И что, идеологический отдел считает нормальным, когда главная партийная газета не способна отобразить достижения советского народа в цвете? Мне это странно слышать. Но раз вопреки здравому смыслу и решениям октябрьского пленума оно все же так, печатайте в черно-белом варианте, а потом в цвете - в каком-нибудь «Огоньке». В «Технике - молодежи» тоже, обязательно. И поймите - это никакие не примитивные механизмы. У них есть искусственный интеллект, правда, пока довольно ограниченный, но у многих членов партии естественный и то хуже. Есть даже эмоции. И есть вера в светлое будущее, я ее сам программировал. Когда во имя означенного будущего гибнет робот - это трагедия. Пусть и не столь сильная, как при гибели человека, но уж всяко сильнее, чем при поломке мясорубки или пылесоса.

- Думаешь, поверит? - усомнился Антонов, внимательно слушавший нашу беседу. - У него же техническое образование, он Менделеевку закончил.

- Ерунда, когда это было. Да и не читали ему там ничего по электронике, а вот Азимова он, может, и читал. А если нет, то теперь уж точно прочтет. Слушай дальше.

- Э... не знал, - растерялся Демичев. - Мне почему-то не докладывали. Простите, а когда вы собираетесь к Леониду Ильичу?

- Вечером, часов в девять.

– Можете перед визитом заехать в редакцию и посмотреть гранки, они наверняка уже будут готовы.

Я ответил не сразу, потому что как раз в это время перевоплощался в Антонова. Он попросил дать ему испытать один новый прием воздействия, который недавно придумал, но еще не применял.

– Нет, – холодно заявил Антонов. – Не вижу смысла. Если уж не верить главному идеологу, то кому тогда?

А я с интересом смотрел на ежившегося под взглядом моего духовного брата Демичева. Помирать он явно не собирался, но ему было очень страшно. Аж побледнел бедный, и пот на лбу выступил. Наверное, причину такого немотивированного ужаса он потом придумает сам.

Антонов встал и направился к выходу из кабинета. В приемную вышел уже я, Скворцов.

– Здорово у тебя получилось, – заметил я своему духовному брату. – Научишь?

– Как будешь в двадцать первом веке, так и напomini. Конечно, научу. Тут никакого кода доступа не нужно, но действует только в упор. Расстояние я пока не уточнял, но оно небольшое. До Демичева еле дотянулся.

– Хорошо, а почему ты выбрал именно его? Чем он перед тобой провинился?

– Вот нечего было к Ефремову приставать со всякими дурацкими памятниками, – мстительно сказал Антонов.

А тем временем в «Мечту» прибыло шасси пятого медийного лунохода. «Единицу» отправлять на Луну было опасно, она порядком изнасилась за время испытаний. «Тройке» заменили ходовой контроллер, и теперь она нареканий не вызывала. «Аспиранта» наконец-то набили исследовательской аппаратурой, причем привязанной именно к программе изучения кратера. Кроме того, на его корпусе появились проушины для крепления тросов, а «Мальчики», кроме них, обзавелись лебедками спереди, как у джипов. Вере за оставшиеся до отлета две

недели предстояло обкатать «пятерку» и научиться пользоваться лебедкой. Так что она вставала в половине пятого утра, бежала в институт, а потом дядя Миша вез ее в МГУ. Вернувшись оттуда, она снова до восьми вечера возилась со своим новым луноходом. В девять тридцать донельзя уставшая Вера валилась спать. Причем, что меня удивило, такой режим дня на ее здоровье никак не сказался, хотя я был готов в любой момент применить свои способности. Однако не пришлось.

Во вторую экспедицию отправлялись всего три лунохода – «тройка», «пятерка» и «Аспирант». Плюс вторая база и мощная лебедка на колесах. Из-за спешки оборудовать ее двигателями и ходовой электроникой мы не успели, так что луноходам придется буксировать ее к месту работы.

– Ничего, дотащим, – успокоила меня Вера. – Даже одна моя «пятерка» справится.

Из всей этой партии только «Мальчики» имели литиевые аккумуляторы. Я их предпочел не столько из-за экономии веса, она получалась незначительной, сколько из-за в пять раз большего, чем у серебряно-цинковых, количества циклов заряд-разряд. Однако для базы и «Аспиранта» это было не очень критично, зато Антонов просто не успевал за обозначенные сроки перекинуть в прошлое нужное количество литиевых банок. Поэтому малоподвижный «Аспирант» и вовсе неподвижная вторая база комплектовались местными серебряно-цинковыми аккумуляторами. Заодно и сравним их в условиях реальной Луны, такая информация лишней не будет.

Пока весь наш институт в едином порыве пытался успеть к назначенной дате запуска и при этом не напортачить, в верхах происходила какая-то подковерная возня. Похоже, команда Косыгина – Брежнева – Шелепина пыталась переиграть последнюю силу, способную ей противостоять – военно-промышленный комплекс в союзе с высшим генералитетом. Вроде там не наблюдалось особо весомых фигур, самым влиятельным был Устинов, но они давили массой. И кроме того, единством.

Со мной никто не обсуждал этого вопроса, поэтому я мог представить себе перипетии борьбы только по запросам на подборки в Интернете, исходящие от Косыгина и Семичастного. Ну и путем самостоятельного анализа того, что мне все-таки становилось известно.

То есть с моей колокольни ситуация выглядела так.

Летом уходящего года у нас, как и в антоновском прошлом, началась арабо-израильская война. Но не совсем так, как тогда.

Рано утром четвертого июня арабы перешли в наступление. В той истории они тоже хотели, но не смогли. По слухам, им запретил лично Брежнев. Впрочем, многие придерживались той точки зрения, что им помешал самый обычный бардак, цветший там куда более пышным цветом, чем в Советском Союзе. Однако теперь никаких запретов, похоже, не было, и арабы рванули в атаку. И естественно, тут же огребли, потому что бардак-то никуда не делся.

Дело в том, что оборона в общем-то является куда более простым действием, чем наступление. И армии, умеющей только наступать, но не умеющей обороняться, в природе не бывает, что бы там ни пытался доказать Резун-Суворов.

То, что арабы не могут толком обороняться, они доказали в той истории. А в этой подтвердили, что, ясное дело, и наступать они тоже не могут, причем подтверждение у них вышло на редкость убедительным.

Разгром был страшный. И прошедшую войну называли не шестидневной, а пятидневной. Причем в нашей прессе почти не было наездов на «агрессивную израильскую военщину» – напали-то первыми арабы. А воевали они, между прочим, нашим оружием, да и советники из СССР там тоже присутствовали.

Естественно, за это кто-то должен был ответить.

Поначалу я думал, что козлом отпущения станет начальник Главного разведывательного управления Ивашутин, тем более что еще не забылось недавнее разоблачение Полякова, но, к своему удивлению, ошибся. Мало того,

более или менее нормализовались отношения между ГРУ и КГБ, то есть между Ивашутиным и Семичастным. Похоже, главного военного разведчика сохранили в должности в обмен на помощь в борьбе с оружейными удельными князьями и генералитетом.

Недавно назначенный на пост министра обороны Гречко имел неосторожность неоднократно утверждать, что арабы быстро раскатают евреев в тонкий блин, и теперь, похоже, сам не понимал, кто он – еще министр обороны, уже пенсионер или, не приведи господь, даже подследственный. Устинову тоже досталось за его многочисленные заявления о том, что советское оружие, предоставленное арабам, многократно превосходит то, что имеется у Израиля. Кроме того, ему припомнили и попытки противодействия обновленной лунной программе. Однако никаких оргвыводов пока не последовало, и я примерно представлял себе, почему. Если Дмитрий Федорович войдет в команду, ее позиция станет несокрушимой. А иначе зачем было озадачивать Антонова подборкой о грядущих болезнях Устинова?

В середине декабря «Мечту» посетил Косыгин, до этого здесь ни разу не бывавший. Я даже впал в некоторое изумление – да что же хотят найти в том кратере, неужели космический корабль пришельцев? Или что-нибудь похлеще, наподобие «монолита» Артура Кларка? Наверное, все же нет, и книга, и фильм появятся только через год, а в моих материалах их не было. Хотя, конечно, одно предсказание великого фантаста уже сбылось – с моей посильной помощью. Так может, и сейчас получится что-то подобное, я-то вот он, никуда не делся?

Однако сразу выяснилось, что лунные дела Алексея в данный момент не интересуют совершенно. А вот то, что беседовать он предложил в самом защищенном месте института – комнате, где стояла якобы установка для межмировой связи, сразу навело меня на нехорошие подозрения.

– Видите ли, Виктор, – начал он, – тема нашей предстоящей беседы, пожалуй, ближе Антонову, нежели вам. Но, если позволите, я бы все-таки хотел обсудить ее сначала с вами.

– Ох, Алексей Николаевич, да не ходите вы вокруг да около! Лучше сразу скажите, сколько народу надо отправить к праотцам, в какие сроки и кого

именно. А уж потом будем думать, звать Антонова или я сам справлюсь.

– Вить, ну как же так можно? – укорил меня упомянутый духовный брат. – Надо было говорить «этого живодера Антонова»! Звучало бы гораздо убедительней.

– Именно это и подразумевается, – отмахнулся я, – тонкий намек здесь подействует сильнее прямого заявления. Ты давай слушай, работать-то небось придется все же тебе. Тоже мне, живодер-любитель нашелся.

– Речь пойдет о Дмитрие Федоровиче Устинове.

Я молчал, хотя так и подмывало спросить: «Да что же он, совсем без рук, сам застрелиться не может?» Черный юмор Косыгин, может, и понимал, но не любил.

– Он может стать ценным союзником, – продолжил собеседник. – Но может и опасным врагом. Принято решение посвятить его по урезанному варианту, раз уж Глушко никак не удосужится вас посетить. А дальше будет видно. Если Дмитрий Федорович примет правильное решение и, главное, станет ему неукоснительно следовать, на вас придется возложить еще и обязанности по поддержанию его здоровья на должном уровне. Надеюсь, вы не станете возражать и справитесь. Ну, а если нет...

– Понятно, обязанности поменяют знак на противоположный. В принципе я не против, с Антоновым, если понадобится, договорюсь сам. И кто там следующий? Огласите весь список, пожалуйста.

– Виктор, за кого вы меня принимаете? Думаете, в нас уже не осталось ничего человеческого?

– Значит, Ивашутин принял, как вы сказали, «правильное решение» без применения сильнодействующих методов убеждения, это радует. Только пусть тогда Устинов приедет сюда, у меня с этой второй экспедицией свободного времени совсем мало.

– Разумеется, и я обязательно составлю ему компанию, мое присутствие при разговоре лишним не будет. Наверное, это произойдет сразу после старта

ракеты – ведь, пока она летит, вы будете сравнительно свободны, а до того вас действительно лучше не отвлекать от работы. Кстати, хочу вам сказать еще вот что. Поначалу ваша роль в лунной программе представлялась нам чисто инженерной, однако вы неожиданно сумели показать себя и недюжинным организатором. Это как раз тот случай, когда ошибаться приятно. Примите мои искренние поздравления.

Ага, старый хитрец явно хочет меня еще на что-то припахать, вот и сыплет комплиментами, подумал я. Ладно, посмотрим ближе к делу. Хрен его знает – может, и соглашусь. Если, конечно, мне предложат что-нибудь не очень неприятное.

Глава 9

Старт второй лунной экспедиции роботов состоялся днем тридцать первого декабря. Он прошел штатно, так что нам удалось даже нормально отметить наступление нового, шестьдесят восьмого года. В отличие от бедного Саши Фроловского, который еще тридцатого улетел в Крым и теперь безвылазно сидел в ЦУПе. Мне, правда, первого числа пришлось съездить в Калининград-подмосковный, но не с самого утра и не на весь день.

Полет проходил без неожиданностей, благо по опыту прошлого полета бортовая электроника лунного модуля была дополнена еще двумя мини-компьютерами. Два работали, два находились в резерве.

Ко мне прилип стишок из двадцать первого века – «летела ракета, упала в болото, какая зарплата, такая работа». Время от времени я его принимался бормотать про себя, но здесь смысл стихотворения вывернулся наизнанку. Ракета летела без нареканий, а зарплата, когда я пришел ее получать, вызвала легкую оторопь. Со всеми надбавками и доплатами выходило больше шестисот рублей в месяц. Да и Ленинская премия – это не только медаль с профилем вождя пролетариата и красная книжечка, но и десять тысяч рублей. Куда лично мне в СССР можно деть такую прорву денег, я себе просто не представлял. Купить «Волгу»? Так она мне не нужна, и дяде Мише тоже. Дачу? Мы и так живем на берегу речки, а за ней – лес. Пропить невозможно по чисто техническим причинам.

Хотя Косыгин, вон, шефствует над школой, так что я могу взять с него пример. Недалеко от нашей бывшей квартиры, рядом с Воронцовскими прудами, есть школа-интернат. Надо будет по дороге в Москву туда заехать и выяснить, нужна ли моя помощь.

Впрочем, машину купить мне все-таки пришлось, но не сейчас, а весной. Ближе к делу обязательно расскажу, как так получилось, если не забуду.

Третьего января, когда ракета пролетела уже почти половину расстояния до Луны, в «Мечту» приехали Косыгин и Устинов. Директор их встретил и проводил в корпус «А», где я в это время смотрел и слушал, что за синтезатор сварганили мои подчиненные. Если сравнивать с первым из тех, что делал Антонов, то у них получилось явно лучше, а если с последним – то заметно хуже.

– Вот, Дмитрий Федорович, это, так сказать, восходящая звезда советской электроники – Виктор Скворцов, – представил меня Косыгин. Ну, если быть точным, то не совсем меня, а все-таки Антонова.

Устинов с отвращением глянул на синтезатор, но руку все-таки протянул. Антонов ее с чувством пожал и, получив код доступа, удалился. Я же предложил:

– Давайте пройдем в корпус «Б», там есть гораздо более интересные объекты для ознакомления.

Во время показа возможностей планшета Устинов еще сохранял скепсис, но, когда маленький дрон, транслирующий изображение на смартфон, вылетел в коридор, а потом, через приоткрытую дверь проникнув в туалет, спустился к самому унитазу, после чего вернулся обратно, будущий маршал, а пока только генерал-полковник, был потрясен.

– И вот представьте себе, – я начал, не отходя от кассы, ковать железо, – танк. Не очень сильно отличающийся от вашего Т-64. Ну, может, при том же весе помощней мотор и на десяток миллиметров больше калибр орудия, и все. А против него выступают... ну, скажем, сорок шестьдесят четвертых. Каков, по-

вашему, будет результат боестолкновения?

– Может, ваш танк и сожжет несколько наших, но потом сожгут его. Работать одновременно по сорока целям он не сможет.

– Так ему и не надо одновременно. В распоряжении экипажа десятков дронов. Не таких, как эта игрушка, а настоящих, боевых. С интеллектом даже посильнее, чем у моих луноходов, с гораздо более совершенными камерами, работающими не только в видимом диапазоне, но и в инфракрасном. То есть ночью они будут видеть танки не хуже, чем днем. На нашем танке мощный баллистический вычислитель, а снаряды активные, они могут подруливать в полете по команде от дрона или от танкового вычислителя. И ваши танки будут обнаружены задолго до того, как у них появится хотя бы теоретическая возможность увидеть наш. И, как только они войдут в зону поражения орудия нашего танка, а это примерно десять километров, он их начнет уничтожать по одному.

Скорострельность орудия – один выстрел в шесть секунд, боекомплект – пятьдесят снарядов, промахи полностью исключены. Через четыре минуты после начала боя будет уничтожен последний ваш танк, а у нашего еще останется десять снарядов. В общем, соотношение сил примерно такое, как у одного Т-64 против сорока МС-1. Помните, наверное, эту жестянку? Только сейчас преимущество обеспечивается не более мощным мотором, прочной броней и крупнокалиберной пушкой, а электроникой.

– То есть вы хотите сказать, что при желании завоевать нас вы сможете без труда, я вас правильно понял? – спросил Устинов после недолгой паузы.

– Нет, я хочу сказать, что, хоть сейчас у ваших потенциальных противников ничего подобного нет, но уже созданы условия, при которых лет через десять что-то начнет появляться. Сначала – цифровой баллистический вычислитель, ну а потом и все остальное. И если вы с упорством, достойным лучшего применения, будете продолжать клепать стальные коробки, заботясь только об увеличении мощности мотора, качества брони и калибра пушки, в случае войны ваши десятки тысяч танков сгорят даже быстрее, чем в сорок первом году. Ну, а насчет завоевания – сами подумайте. Если бы это было возможно и мы этого желали, то почему до сих пор не завоевали – что нам мешало-то? Я здесь уже седьмой год. Алексей Николаевич может предоставить вам полный список всего, что я успел сделать. Посмотрите и убедитесь, что польза от моего пребывания тут большая, а вреда практически нет. Стал бы я усиливать объект завоевания,

будь у меня такие намерения? Опять же пропускная способность канала мизерная, полкило с трудом проходит, да и то если объект не длиннее двадцати пяти сантиметров. В общем, я здесь для того, чтобы изучить опыт построения социализма, ну и по возможности помочь стране. Миссия моя частная, совершенно неофициальная, правительство у нас в каком бы то ни было изучении опыта построения справедливого государства не заинтересовано совершенно. Более того, если оно узнает о моих способностях, то вряд ли мне от этого похорошеет, скорее наоборот.

При этих моих словах на лице Косыгина промелькнуло мечтательное выражение. Наверное, он подумал что-то вроде «Эх, как бы найти способ связаться с их правительством, минуя обоих Викторов! Небось их сговорчивость сразу повысилась бы на порядок».

Кажется, вот тут Устинов более или менее убедился в чистоте моих помыслов. Или, что более вероятно, просто принял к сведению, что все мной рассказанное может оказаться правдой. После чего мы с ним плодотворно побеседовали о перспективах развития военной электроники. Под конец я предупредил:

– Дмитрий Федорович, пожалуйста, не повторяйте ошибку, которую в моем мире кое-где в свое время сделали, и она очень дорого обошлась. Не допускайте разделения электронных компонентов на секретные военные и общедоступные гражданские. Изделия должны быть одинаковые, просто приемка разная, военная существенно жестче. Ну разве что корпуса для особо тяжелых условий эксплуатации могут быть другими.

– Это как и зачем? – не понял Устинов.

– Стоимость разработки тех же микросхем в миллионы и десятки миллионов раз выше цены серийного изделия. Например, у вас есть тысяча самолетов, и вы хотите снабдить их бортовыми контроллерами наподобие тех, что стоят на моих луноходах. Стоимость разработки пригодного для этой цели микропроцессора... ну, пусть будет миллиард рублей. Таким образом, каждая микросхема для самолета обойдется вам в миллион. Так и без штанов недолго остаться. А если параллельно выпустить десять миллионов электронных игрушек с теми же мозгами, то каждый процессор вам мало того что обойдется всего в сто рублей,

так еще на такой серии будут выловлены все ошибки и неоптимальности, даже самые незаметные.

- И что будет делать вероятный противник?

- Если сдирать, то есть копировать, то нам останется только громко кричать «ура» и вертеть дырки для орденов. Догоняющий таким способом никогда не догонит, всегда будет на два-три года, а то и на пятилетку сзади. Берите пример с американцев. Вы думаете, они не замечают, как вы в обход запретов через третьи руки покупаете, например, «Ай-би-эм» для копирования? Все они прекрасно видят и довольно потирают руки.

Когда Дмитрий Федорович вышел, задержавшийся Косыгин сказал мне:

- Виктор, вы же понимаете, что ничего еще не решено.

- Конечно. И вы не беспокойтесь – даже если в момент принятия решения он будет хоть на Камчатке, хоть в Анголе, все равно ничего не изменится.

- Даже так?

- Разумеется. Значит, Антонов вам ничего не говорил? Ну тогда говорю я. Расстояние тут роли не играет.

Через две недели после этой встречи Устинов был назначен министром обороны вместо ушедшего по состоянию здоровья на пенсию Гречко. Секретарем ЦК, курирующим оборонную промышленность, стал Егорычев.

В субботу шестого января посадочный модуль успешно прилунился в трехстах метрах от первого лагеря. Сказался опыт предыдущей посадки. Лунные старожилы уже проснулись и теперь с нетерпением и наведенными телекамерами ожидали гостей. Управление луноходами было разделено так.

Я пилотировал «Мальчика-четыре». Гарик – «Доцента». Ну, и когда надо было передвинуть с места на место лишившегося мозгов «Профессора», то и его тоже,

много времени это не отнимало.

Вера рулила только что прилетевшим «Мальчиком-пять». Василий управлял «Аспирантом», а пилотом «тройки» стал Юрий Степанович – лысый и вообще похожий на Хрущева ведущий инженер из КБ Лавочкина. Несмотря на возраст, получалось у него ничуть не хуже, чем у молодых коллег.

Кроме того, в команде появились два бортмеханика. Управлять они ничем не могли, но на их пульт шли результаты телеметрии со всех луноходов, даже чудом сохранившегося температурного канала с «Профессора».

Встреча прошла на высшем уровне. Если бы не шлем, то я, возможно, попытался бы прослезиться на камеру – нас в ЦУПе тоже снимали. Но так как моих слез все равно никто не увидел бы, я решил зря не напрягаться. А вообще, конечно, мой «Мальчик» очень фотогенично и трогательно обнялся сначала с «пятеркой», а потом с «тройкой».

После торжественной встречи началось перетаскивание оборудования к кратеру. «Тройка» с «пятеркой» притащили сначала новую базу, потом поехали в лагерь, там подзарядились и поволокли старую. Никчемного «Профессора» оставили в лагере. Как потом объяснит комментатор телезрителям, присматривать за посадочным модулем.

Уже под вечер (земной, естественно, а не лунный) к кратеру была отбуксирована лебедка. Ей раздвинули упоры, и вскоре «Мальчик-пять» приступил к выполнению первого этапа второй лунной экспедиции.

Я привез от посадочного модуля и помог водрузить на спину «пятерки» длинный, длиннее самого лунохода, сверток. Потом Вера сама укрепила крюк троса лебедки в проушине и медленно двинулась к месту, где недавно произошел обвал. У края обрыва трос натянулся, я подключился к управлению лебедкой.

– Поехали, – шепнула Вера.

Барaban медленно закрутился, и «пятерка» начала осторожный спуск. Путь был неровный, ей несколько раз пришлось упираться манипуляторами, чтобы не опрокинуться. Причем один раз это сделала не Вера, а ходовой контроллер.

- Не торопись, - подсказал я.

- Да, извини, не буду.

И вот «пятерка» на дне кратера. Вера отцепила крюк троса и подъехала к тому месту, где из-под камней торчали колеса «двойки». Осмотрелась и сказала:

- Подъеду справа, там получится.

- Давай.

«Мальчик-пять», помогая себе манипуляторами, подобрался вплотную к своему погибшему собрату. Снял со спины длинный сверток, потянул за кольцо, чехол из тонкой стеклоткани упал к его колесам. И через две минуты над колесами «двойки» встала тренога с красной звездой на вершине. На Земле такой памятник не простоял бы и недели, а на Луне будет стоять миллионы лет, если сюда не упадет еще один метеорит и не вмешаются люди или инопланетяне.

Луна замерла в минуте молчания. Потом «Мальчик-пять» сказал:

- «Двойка», спи спокойно. Ты сделал все, что мог, и ни люди, ни роботы тебя не забудут.

И поехал собирать образцы со дна кратера. Что-нибудь наподобие «но жизнь продолжается, и живым надо продолжать дело погибших» скажет уже комментатор на Земле. А потом объявит, что бывший безымянный кратер отныне называется «Мальчик-два».

Уже на следующий день в Москве неподалеку от станции метро «Калужская» появилась улица Луноходов. А мне позвонил директор «Мечты» и сообщил:

– Виктор Васильевич, тут к нам приехал молодой скульптор с рекомендательным письмом от Академии художеств. Хочет посмотреть на «Мальчика-один», чтобы изваять памятник «двойке».

– Как его фамилия? – спросил я, охваченный нехорошими подозрениями. Увы, они тут же подтвердились.

– Церетели.

– Гоните его в шею! У нас в мастерских памятник сделают быстрее, лучше и куда более похожим на оригинал.

«И не с девятиэтажный дом размером», – мысленно закончил я.

Сейчас в возне луноходов для нас, их пилотов, уже не было той новизны, как в первой экспедиции, поэтому работа шла спокойно и деловито. Вот «Мальчик-пять» закончил кружить по дну кратера, его корзинка на загрузке уже полна. Он подъехал к тому месту, где спустился, поднял крюк и зацепил его за проушину. Я, остановив свою «четверку», запустил лебедку, и Верин луноход, расставив манипуляторы в стороны, пополз вверх. Вот он уже на гребне, отцепляет трос. Потом «Мальчик-пять» подъедет к «четверке» и вывалит образцы на расстеленный кусок белого полотна. Мой слегка инвалидный луноход в кратер не лез, он сортировал камни. Те, которые можно будет исследовать здесь, в один контейнер. Те, что будут ждать отправки на Землю, в другой, побольше. Потом «пятерка» раскроет солнечные батареи и начнет подзаряжаться, а «тройка» их сложит, прицепит трос и спустится в кратер.

Решение о третьем запуске на Луну, причем более сложном, с доставкой образцов лунного грунта на Землю, было уже принято, но Челомей пока не мог точно сказать, когда он состоится, хотя обещал постараться к началу июня. Причем требовалось, чтобы к тому времени на Луне оставался исправным хотя бы один «Мальчик», потому что посадочный модуль сам загрузить в себя контейнер не сможет. Надежды на это у меня были. «Мальчик-четыре» и «Доцент» пережили уже три лунные ночи. Падение емкости аккумуляторов, вызвавшее серьезные опасения после первой ночи, после второй стало незначительным, а после третьей – вообще на грани ошибки измерения. Все остальное оборудование у этой пары во время сна не портилось вообще.

Поэтому третий и пятый «Мальчики» лазили в кратер только неполные земные сутки, затем уткнулись в новую базу и спрятали головы в корпус. Мой еще полдня сортировал образцы, а потом он будет ассистировать «Доценту» и «Аспиранту», но уже под руководством Юрия Степановича. Когда закончат, соберутся вокруг старой базы и станут ждать прилета станции, которая заберет образцы.

Ну и наконец настала пора рассказать, зачем мы с Верой купили еще один автомобиль – правда, уже после завершения второй лунной эпопеи, весной.

Семичастный с пониманием отнесся к моей просьбе выяснить, кто конкретно записал Астаховых и Скворцовых в одну квартиру. Искомый мелкий чиновник был уже на пенсии, так что никакая помощь в смысле карьеры ему не требовалась. Ящик коньяка в таком возрасте тоже ни к чему, это может привести к необратимым последствиям. Зато во время войны этот человек служил водителем и даже сделал несколько рейсов по «Дороге жизни», так что ездить он умел. Правда, водительское удостоверение у него давно просрочено, но Семичастный заверил, что это не проблема.

И вот, значит, мы с Верой приехали в гости к пожилой паре, представились, объяснили, как им благодарны, после чего подарили «Запорожец». Теперь им будет на чем ездить самим и возить барахло на дачу и с дачи, которая довольно далеко, между Хотьково и Загорском.

Глава 10

В последнее воскресенье января Косыгин позвал меня в гости – отметить благополучное завершение второго этапа лунной программы, а заодно получить флешку с очередной подборкой, теперь про перспективы управления экономикой при помощи компьютеров, ну и поговорить.

– Неужели вы верите, что люди серьезно воспринимают тот цирк, который вы устроили на Луне? – поинтересовался премьер.

– По-моему, это немного неточная постановка вопроса. Какая разница, серьезно или несерьезно? Кто-то так, кто-то этак, и процентное соотношение тех к этим меня как-то не очень волнует. Гораздо важнее, отрицательное это отношение или положительное, и здесь двух мнений быть не может. Когда шли передачи по лунной тематике, улицы пустели, все сидели у телевизоров. Неужели вы думаете, что люди будут смотреть передачу, тема которой им не нравится? А здесь вступает в действие тот факт, что средний человек не любит полутонув. И если какой-то персонаж или явление кажутся ему положительными, то, как правило, целиком. Типичный пример – советское изобретение, торговля с нагрузкой. Хочешь купить постельное белье – бери с ним еще и набор полотенец, которыми не то что вытираться – полы мыть и то плохо, шерсть из них какая-то синтетическая лезет. Один раз, стосковавшись по нормальному белью, потому что старое все в пятнах и в дырах, человек даже обрадуется. Как мы с женой, например. Мол, хрен с ними, с убогими тряпками, приткнем куда-нибудь, не пропадут. Но если потом гражданин СССР придет в книжный, где вместе с новинкой от Стругацких ему всучат какой-нибудь фантастически скучный производственный или шпионский роман, особой радости уже не будет. Когда же в продмаге вместе с пачкой индийского чая ему придется купить вдвое большее количество грязной грузинской соломы, надпись «Чай» на упаковке которой может расцениваться только как издевательство, мысли в адрес партии и правительства будут в основном матерные, даже у женщин и детей.

Так и здесь. Народ жаждал вновь порадоваться космическим успехам, а то они последнее время как-то слегка побледнели. И посмеяться, это желание более или менее постоянное, недаром хорошие комедии собирают полные залы. Мы смогли дать и то, и то, а в нагрузку немного пропаганды. Люди обрадовались. Но такое может пройти один, максимум два раза, а потом начнет приедаться и вызывать отторжение. В общем, тут, как и везде, важно вовремя остановиться, поэтому в третьей лунной экспедиции цирка не планируется. Заметной пропаганды тоже.

– Вы, значит, разбираетесь еще и в идеологической борьбе.

– Конечно, а как иначе? Государство со мной идеологически борется от рождения Скворцова и до выхода на пенсию Антонова. Можно было за такое время хоть чему-то научиться.

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/velichko_andrey/fagocit-pokooy-nam-tol-ko-snitsya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)